

Георгий Ланской

Фортуна – дама капризная. Сегодня грязь – завтра князь, сегодня пан – завтра пропал. Именно об этом романы талантливого писателя и журналиста Георгия Ланского. Оторваться от чтения невозможно!

Ваш Олег Рой

ОГЛЯНИСЬ НА ПОРОГЕ

Георгий Александрович Ланской

Оглянись на пороге

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6658176
Георгий Ланской. Оглянись на пороге: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-70494-1*

Аннотация

Ирина – красивая, внешне холодная женщина. Она давно и, по мнению окружающих, успешно замужем. Однако не все так хорошо, как кажется, – из-за полученной травмы ей не станцевать главную партию в «Лебедином озере», и муж, оказывается, изменяет Ире с вульгарной соседкой. Привычная жизнь рушится... чтобы освободить место новой. Как раз в этот момент судьба сводит Ирину с Димой Волковым. Но стоит ли бросаться во вновь вспыхнувшую страсть с головой? Оценит ли Дмитрий самоотверженность женщины, которая старше его на несколько лет? Удастся ли им обоим переступить порог?..

Содержание

Пролог	4
Часть 1. Белое	7
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Георгий Ланской

Оглянись на пороге

Пролог

Самыми мучительными оказались последние минуты, перед тем как закрылся занавес.

Стоя на краю сцены и принимая заслуженные овации, она с трудом удерживала громадную охапку разномастных букетов, приседала в реверансах и улыбалась. Зал, уже не темная яма с притаившимися хищниками, неистовствовал, заывая десятком глоток. И в этом реве восторга не было ничего приятного, хотя скажи кто об этом раньше, она бы рассмеялась. Публика, настороженно следившая за каждым движением танцоров, к концу спектакля всегда превращалась в союзника, как бы плохо они ни выступали. Воспитание не позволяло закидать проштрафившихся тухлыми яйцами, а критикам – разнести постановку в пух и прах.

Пыль, поднятая выступавшими, еще не осела. От нее першило в горле, сухом, как наждак. Свет прожекторов бил в глаза, слепил, заставляя щуриться и моргать. То тут, то там слепили яркие вспышки фотоаппаратов. Хорошо, если хотя бы на половине снимков она выйдет не с перекошенным лицом и закатившимися глазами.

Заметив, что внизу кто-то направил на нее алчный объектив камеры, она ловко отгородилась букетом. Наплевать!

Наплевать! Наплевать!

Спина, где-то под лопаткой, болела так, словно в нее вкручивали раскаленный шуруп, и от этой боли, немилосердной и жестокой, едва удавалось держаться на ногах. Колени ходили ходуном. Оставалось надеяться, что изголодавшийся по премьерам зритель не заметит, что ведущая артистка шатается, как пьяная.

Он и не замечал.

По лицу текли слезы, и те, которые сидят там, внизу, отделенные огнями рампы, думали: от чувств – и несли цветы, не замечая застывшей улыбки-оскала, которую танцовщица еле держала на лице, преодолевая боль и дурноту, накатывающую волнами. Она, чувствуя, что сейчас упадет, вцепилась в букет, как в спасательный круг, стиснув зубы, когда шипы роз прокололи кожу. Дурнота сразу отступила, колыхаясь на краю подсознания серой, вязкой тучей.

От партнеров разлило потом, словно от взмыленных лошадей, и сегодня этот резкий запах казался особенно отвратительным. Спина была мокрой, и ей казалось – от крови. Наверное, нечто подобное чувствуют птицы, когда им ломают крылья.

Занавес закрылся, чтобы спустя мгновение открыться вновь. Стоя в первом ряду, она дисциплинированно ждала, понимая, что это еще не конец. Сделала шаг к зрите-

лям, грациозно склонилась, пережидая шквал аплодисментов. Теперь цветы просто складывали к ее ногам. Словно к постаменту.

Тяжелый бархат неохотно пополз к центру, отсекая от публики, уже растекающейся к выходам за своими пальто и куртками. Скрываемые вишневыми складками танцоры устало расходились по примеркам, едва оказавшись в тени. И только она да ее партнер держались до самого конца, пока не сомкнулась последняя щелочка. И тогда, с трудом перебирая ногами, она поплелась переодеваться, чувствуя, как спину скручивает стальной проволокой.

Часть 1. Белое

Каждое утро, сонным движением хлопнув по кнопке будильника, Ирина просыпалась, открывала глаза и пару минут лежала, прислушиваясь к своим ощущениям. Собственный организм представлялся ей в этот момент механизмом, в котором все либо было хорошо, либо предстояло отладить проверенными способами. От первых минут зависели не только физические данные, но и настроение. Именно поэтому приветствие, превратившееся в обязательный ритуал, всегда звучало по-разному.

– Гутен морген, – вздохнула Ирина, вытянула руку, включив обогреватель-ветродуй, и еще немного покрутилась в кровати, подсунув ноги под безмятежно дрыхнувшего мужа. Тот, полный, влажный от пота, почмокал губами и сунул голову под подушку.

«Хорошо ему, – завистливо подумала она. – Законный выходной, вставать никуда не надо!»

Закутавшись в одеяло, женщина полежала еще немного, ожидая, пока обогреватель не превратит холодную комнату в нечто напоминающее пустыню, а потом неохотно встала навстречу своему утру, которое вовсе не обещало быть хорошим. Какое же оно хорошее, когда такой вот «гутен морген».

Привычка классифицировать утра появилась у нее после книги «Двенадцать стульев», и, прочитав, Ирина удивилась

той четкости, с какой Киса Воробьянинов проводил линию между хорошим утром и плохим. По его примеру, она, когда утром чувствовала себя хорошо, радостно говорила «Бон-жур», вскакивала с постели и бежала на работу вприпрыжку. Все в этот день складывалось прекрасно: и в театре, и на занятиях, которые она проводила в Центре детского творчества. После можно было завалиться к подругам или пойти с мужем на выставку, в кино, ресторан, а то и просто поваляться на диване с книжкой или посмотреть фильм.

«Гутен морген» предполагал другое. Обычно осенью, когда отопление еще не давали, Ирина поднималась с постели мрачной, чувствуя неприятную ноющую боль в спине и правом бедре, долго копалась, выпивала на одну чашку кофе больше, чем положено, а потом пыталась прокрасться незамеченной мимо соседской двери. Причем в такие дни это почти никогда не удавалось.

Домов, похожих на тот, в котором жила Ирина, в центре почти не осталось. Небольшая трехэтажка, из бывших коммуналок, в форме буквы «Г», стояла на бойком перекрестке, наискосок от торгового центра, плавно перетекавшего в рынок. Первый этаж целиком занимал банк, а немногочисленные квартиры – респектабельные жильцы, прельстившиеся громадными пространствами с высоченными потолками. Жить в этом доме было престижно, оттого старые жильцы охотно продавали квартиры местным нуворишам с большой пользой для себя. На вырученные деньги можно было купить

квартиру новой планировки, а то и две.

Новые хозяева быстро сориентировались, в складчину отремонтировали дом, выцогавив часть средств у банка с первого этажа, заперли двор на кодовый замок, воткнули грибок песочницы и несколько лавочек вокруг раскидистых кленов и приготовились наслаждаться жизнью. В конце концов, общество подобралось вполне респектабельное, спаянное партнерством в бизнесе, общими интересами и связями.

Единственным дестабилизирующим элементом была баба Стеша.

Жила она этажом ниже Ирины, занимая крохотную угловую однушку, которую наотрез отказывалась продавать, и люто ненавидела всех жильцов, осыпая их базарной бранью. Помимо них, на орехи доставалось правительству, городской администрации и простым прохожим. Жила Стеша на мизерную пенсию, собирала бутылки и картонные коробки. От помощи сердобольных соседей не только не отказывалась, но и искренне считала их ей обязанными.

В плохие дни Ирина едва ли не на цыпочках старалась прошмыгнуть мимо двери соседки, но та словно с раннего утра занимала свой пост, приоткрывала дверь и бросала в спину ядовитое:

– Проститутка!

Чем ниже Ирина спускалась, тем громче высказывалась Стеша. А у дверей парадной оказывалась уже сопровождаемая хриплым лаем:

– Проститутка! Шалава!

Муж, когда она начинала жаловаться, лишь морщился, а то и похохатывал.

– Далась тебе эта старая карга? – искренне удивлялся он. – Стеша же сумасшедшая. Чего ты хочешь, осень на дворе, у психов обострение. Ну поорет – и успокоится. Она уже на ладан дышит, скоро коньки отбросит.

– Не верю, – мрачно возражала супруга. – Она нас всех переживет, по-моему.

– Ну, поговори с ней. Или, хочешь, я? – предлагал он, и на этом разговор завершался. Говорить со Стешей не получалось. Бросая в спину оскорбления, она из квартиры не выходила, лишь приотворяла дверь, высовывая крючконосую голову. А со своей бутылочной охоты возвращалась задолго до того, как Ирина оказывалась дома, дверей не отпирала и в диалоги не вступала.

Примечательно, что в дни, начинавшиеся с «бонжур», соседка почти никогда не высывалась. Несколько раз Ирина, подметив такую особенность, говорила теплое, парящее «бонжур», чувствуя себя на «гутен морген», надеясь обмануть судьбу, но тут, к сожалению, осечек не бывало. Бабка, словно чуя нутром холодное немецкое приветствие, надуть себя не давала, караулила у дверей и обзывалась.

Сегодняшнее утро было из плохих.

Ирина обреченно постояла под душем, надеясь, что горячая вода разгонит хандру и, согрев когда-то травмирован-

ную спину, улучшит самочувствие. Потом, облачившись в тяжелый махровый халат, прошлепала на кухню, поставила на плиту кофе и, поежившись, приоткрыла окно.

В лицо ударил холодный осенний воздух, перемешанный с шумом машин. Погода была отвратительная. С неба сыпалась водяная труха, затягивая улицу туманом. На углу мигал светофор, пропуская вереницу машин, а стайки нахлебавшихся под зонтами пешеходов терпеливо ждали зеленого сигнала, чтобы потом как можно скорее проскакать грязную улицу на цыпочках.

– Вот и осень, и лист в окно стучится, – задумчиво пропела Ирина неположенную по настроению песню, схватила из хлебницы сухарик и вцепилась в него зубами. Кофе зашипел, вздыбился пенкой и перевалился через край, заливая плиту.

– Кто бы сомневался, – пробурчала женщина, торопливо выключила газ и, обжигаясь о чугунную решетку, промокнула бурую жижу губкой. Забравшись на табурет с ногами, Ирина бросила на стол газету, быстро просмотрела ее по диагонали, зацепившись взглядом лишь за задвинутую на задворки статью о недавней премьере.

В родном театре решили поставить пьесу по мотивам повести Грина, доверив ее молодому амбициозному режиссеру с новомодным видением классического репертуара. Ирина, к счастью, в постановке не участвовала, на премьеру не пошла, здраво рассудив, что довольно ей и той вакханалии, что творилась на репетициях. От классической постановки

осталась лишь урезанная музыка Юровского, а действующие лица сократились до трех: Асоли, Грея и сказочника Эгля. Артисты в этой кастрированной постановке двигались словно замороженные, застывали в странных, нелепых позах, которые, по мнению постановщика, должны были символизировать глубину чувств. Однако балет на фоне драного грязно-алого полотнища публику не воодушевил, и после первого акта народ гуськом потянулся в раздевалку.

Несмотря на явный провал, пресса к постановке отнеслась вполне благодушно, что Ирину не удивило.

Провинция-с!

Это тебе не Москва, где голодные и злые журналисты нещадно третируют даже самых заслуженных, выдающихся, великих. Времена другие. И тут, хочешь не хочешь, приходится либо соответствовать времени, пускаясь во все тяжкие, либо затаиться, не лезть под объективы камер, делая вид, что слава – пустое, а искусство – вечно. Хотя, если разобраться, и то и другое для карьеры губительно.

Но это в Москве. Здесь все по-другому. Чем хороша провинция, так это связями: старообрядческими, с кумовством и панибратством, завязанными еще с советских времен. Именно тогда, в комсомоле, давно и прочно канувшем в Лету, воспитывались, знакомились бонзы, прочно сидящие сейчас в мягких креслах, заводили совместных детей и общий бизнес. И повинаясь звонку сверху, редактор мог легко снять критическую статью даже на самый провальный спек-

такль, поскольку обижать своих было «не принято». Свои потом бежали с жалобами в администрацию, которая мягко журила и грозила отобрать госзаказ.

Прихлебывая кофе, Ирина догрызла сухарик, убедив себя, что вполне сытно позавтракала. Занятия в школе не обещали быть тяжелыми, в воскресенье девочки приходили с утра, и после обеда преподавательница уже была свободна.

«После трех прошвырнусь по магазинам, – размечталась она, возвращаясь в спальню, где похрапывал муж. – Куплю тот плед, под коровью шкуру, и какую-нибудь ерундовинку на шею, жемчуг или еще что, для радости. А потом можно и сходить куда-нибудь».

Воздух в спальне, выжженный обогревателем, был сухим, с тяжелым пластмассовым запахом. Ирина выключила обогреватель и, распахнув шкаф, придирчиво оглядела гардероб.

Помучиться или погреться?

«Помучиться» предполагало красивый, но прохладный наряд, от которого в выстуженной студии толку будет немного. «Погреться» – что-то более практичное, утепленное, тяжелое, но все-таки, не будем лукавить, куда менее элегантное, чем летящие формы шелков и хлопка. И если бы сегодня не предполагалась прогулка по магазинам, а то и друзьям, она, не колеблясь, сделала бы выбор в пользу «погреться», как вчера. В октябре Ирина всегда мерзла и часто жертвовала красотой, лишь бы не простудиться.

Чего вдруг Пушкин так восторгался осенью, этой унылой порой? Где тут очей очарование? Грязь, слякоть, холод.

Презирая себя за слабость, она все-таки основательно утеплилась, выудив из шкафа плотные черные брючки и элегантный серый свитер с большим воротом. Точными движениями уложив волосы на прямой пробор, придирчиво посмотрела в зеркало, повертела головой и пошла к дверям.

По лестнице Ирина шла невесомыми шагами, практически неслышными в гулкой тишине подъезда. Однако, стоило миновать площадку второго этажа, в спину ударил змеиный шепоток:

– Прос-с-с-титутка, ш-ш-алава!

Машина, разумеется, не завелась.

Ирина выполнила все ритуальные действия, включая сутливую беготню вокруг синего «Форда Фокуса», попинала колесо, открыла капот и даже с минуту смотрела на неаппетитные внутренности автомобиля, села обратно и несколько раз повернула ключ в зажигании. «Форд» издал натужное «кхе-кхе-кхе», а потом и вовсе мстительно заткнулся. Женщина вздохнула, после чего решительно вышла из машины и направилась к воротам, сминая сапогами мокрую листву.

Автомобиль нужно было отвезти в сервис еще недели две назад. Мотор подозрительно барахлил, отказываясь заводиться с первого раза, но мужу было некогда, а Ирина от технических премудростей приходила в тихий ужас, чем

всегда пользовались механики, считая своим долгом облапошить лоховатую клиентку. И вот сегодня, в сволочный день «гутен морген», «Форд» сдох окончательно.

У ворот стояла соседка, одной рукой держа вырывающуюся дочь, второй – сражаясь с кодовым замком. Тот не поддавался, дочка с ревом тянула в сторону лужи, где красиво плавали желтые кораблики листвы.

– Наташа, здравствуй, – сказала Ирина, подходя ближе. Соседка обернулась, скривила губы, что, возможно, обозначало приветственную улыбку, и уступила место у калитки.

– Здравствуй, Ирочка. А что это ты пешком сегодня?

Ирина скупно улыбнулась, с силой рванула калитку и терпеливо подождала, пока мама вытащит наружу упирающуюся дочь.

– А мы к бабушке вот, – торопливо сказала Наталья. – Пусть с внучкой повозится, чего ей на пенсии делать еще.

Ирина вежливо склонила голову, мол, конечно, чего бабушке делать, и захлопнула калитку. Соседка шла рядом, почти бежала, волоча хнычущую дочь на буксире.

– Алена, помолчи!.. Вот я и говорю: чего старухе на пенсии делать? Думаю, заброшу дочь, сама делами займусь или того... отдохну.

Ирина снова кивнула, мол, разумеется, надо отдыхать, хотя сама, честно говоря, не понимала, от чего соседка может устать. Нет, маленький ребенок – это понятно, но ведь не грудничок давно. Полдня в садике, откуда его то к одной баб-

ке забирали, то ко второй. Наталья же нигде не работала, сидела дома, гордо говоря любопытствующим:

— Я — домохозяйка!

Верилось в это с трудом, хотя бы потому, что домохозяйства менялись регулярно. Ирина сама видела, как во двор вечерней порой заруливали машины, из которых выпархивала довольная Наталья. Кавалеры, степенно придерживая объемистые пузики, шмыгали в подъезд, низко наклоняя голову, хотя таиться было бесполезно. Всех их Ирина знала наперечет. На спектаклях именно эти лоснящиеся морды занимали первые ряды, к ним же приходилось ходить в администрацию, чтобы выбить очередные подати на обустройство театра или танцевального кружка. Деньги на театр балерина собирала один раз, после смерти главного спонсора Мержинского и таинственного исчезновения его жены, потому что с поддержкой было совсем туго. Унижалась перед властью имущими в основном директриса. Ирина в составе культурной делегации холодно молчала, вспоминая, что именно с этим чиновником накануне сидела в ресторане, пару раз танцевала и недвусмысленно пресекла попытки опустить толстую руку ниже талии.

Где их цепляла Наталья, никто не знал, поскольку во властные структуры она ходов не имела. Обсуждая ее с подругой Юлькой, Ирина предположила, что соседку, хорошенькую, блондинистую, в чрезмерно коротких юбках, просто передают из рук в руки. Юлька с этим не соглашалась,

уверяя, что та просто ловит очередного клиента в кабаке.

— Придет в колготках в сеточку, сядет у стойки и будет смотреть томным взглядом. Кто ж мимо такой красоты пройдет? — хихикала она.

— У нее одни чиновники в халяхах, — засомневалась Ирина.

Подруга отмахнулась:

— А то чиновники в кабаки не ходят. Или, думаешь, они святым духом питаются? Мне как-то попалась в руки распечатка их госзаказа. Ты вообще в курсе, что для нужд администрации закупаются даже презервативы?

Иногда Ирина ловила на себе взгляд Натальи — холодный, дерзкий — и кожей чуяла неприязнь. Вот и сегодня, увидев подходящий троллейбус, танцовщица, даже не попрощавшись, побежала к остановке, делая вид, что страшно торопится.

В троллейбусе по причине выходного народу было мало. Впереди, на обшарпанном кресле, восседала кондукторша, хмуро глядя в окно. Рядом с ней возилась стайка ребят — шест-семь лет семи, явно собиравшихся в кино на первый утренний сеанс. А у самых дверей, обхватив руками голову, дремал нетрезвый парень. Кондукторша посмотрела на Ирину и нехотя поднялась с нагретого места, неуклюже пробираясь по салону. Получив деньги, она сунула в ее руки билет.

— Да не надо, я выхожу через две остановки, — отмахнулась Ирина.

– И мне не надо, – фыркнула кондукторша. – А если контролер зайдет, я за вас штраф платить не буду! Берите.

Ирина повиновалась. От зычного рыка кондукторши дремавший парень проснулся и, подняв голову, сфокусировал взгляд на новой пассажирке. На всякий случай она отошла ближе к дверям, не желая связываться. Уж больно крепким был выхлоп перегара, стойкого, явно вчерашнего. Стоя у выхода, женщина украдкой поглядывала в сторону парня.

Молодой еще, лет двадцати семи. Правда, похмелье его явно не красило, вон какие круги под глазами. Пожалуй, хорош собой, смуглый, с длинными черными волосами, забранными в хвост, а-ля Бандерас в его знаменитом «Отчаянном», и глазищи такие же, цыганские или испанские.

Она опустила взгляд ниже. Разглядеть фигуру, скрытую курткой, было непросто, а вот ноги, длинные, плотные, обтянутые забрызганными грязью кожаными штанами, были хороши.

Профессиональная привычка, однако! Она как-то даже научилась со спины определять внешность мужчин и женщин, ориентируясь исключительно по ногам и полукружиям ягодиц, и почти никогда не ошибалась.

Руки, которыми он придерживал нездоровую голову, тоже были красивыми, с длинными пальцами музыканта, которые, кстати, не мешало бы привести в порядок. Хотя бы траурную кайму грязи вычистить из-под ногтей.

Троллейбус остановился, Ирина вышла почти с сожалением.

нием. Отойдя от остановки, женщина еще раз обернулась и увидела сквозь замурзанное стекло эти красивые испанские глаза, неотрывно смотревшие на нее.

Хотя Ирина немного опоздала, она даже радовалась, что поехала не на машине. Погода к прогулкам не слишком располагала, было сыро, а тучи сыпали вниз колкую морось. Но у здания детского центра творчества было так хорошо, что Ирина невольно замедлила шаг, с наслаждением вдохнув запах влажной листвы. По обе стороны выложенной брусчаткой дорожки склонили мокрые кроны рябины с гроздьями крупных, красных ягод. Она опрометчиво потянулась к ветке, дернула на себя кисть и едва успела отпрянуть от обрушившегося на землю водопада.

Украдкой, тщательно оглядевшись по сторонам в поисках невидимых соглядатаев, она раскусила пару ягод. Рот наполнила горечь, но Ирина дожевала ягоды и проглотила их. Ей даже показалось, что от этого вкуса стало немного теплее.

У здания почему-то стояли люди, переговариваясь, неотрывно глядя на двери, откуда струился не то пар, не то дым. Почуввав неладное, женщина прибавила шагу, выскочила из рябиновой аллеи и лоб в лоб столкнулась с Владом.

– О, привет, – удивился он. – Чего летишь как на пожар?
– Привет, – торопливо выдохнула она и мотнула подбородком в сторону центра творчества. – Чего там случилось?
– Отопление дали, ну на первом этаже труба и жახнула.

Вода хлещет, весь вестибюль затопило. Так что вали домой, не будет сегодня занятий.

Она нахмурилась и, щурясь, посмотрела на окна второго этажа.

– А у нас как?

Влад махнул рукой.

– У нас все в порядке. Слава богу, нигде не течет. Я там проскочил по краешку, посмотрел. Тоже, знаешь ли, сердце екнуло. Если костюмы испортятся или паркет вздуется к чертям, можно будет месяц выкинуть, а мне деньги нужны...

– Кому не нужны? – буркнула Ирина, вспомнив свою загнущуюся машину.

Влад Олейников преподавал в соседней студии, и поскольку на его занятия ходили желающие научиться спортивным и бальным танцам, клиентура была более обширной и разнообразной. В перерыве между занятиями Ирина с кружкой черного кофе заходила к нему в гости, с интересом наблюдая, как пыжятся взрослые дяди и тети, овладевая страстными па сальсы или пасадобля. Иногда топот стоял такой, что перекрывал гул города, но ей это нравилось. И танцорам тоже, судя по их разгоряченным потным лицам и той отчаянной схватке с собственным неповоротливым телом.

– Приходи вечером в «Кристалл», – предложил Влад. – Я стриптиз буду танцевать.

– Меня никогда не вдохновлял твой стриптиз, – усмехнулась Ирина.

– Чего это?

– Того. В него, рыба моя, надо больше тела вкладывать, а ты человек, испорченный бальными танцами. Даже стриптиз пытаешься превратить в высокое искусство. А там батманы никому не нужны. Да и мяско не мешало бы подкачать.

– Там еще два парня будут выступать, новенькие, – пожал плечами Влад. – Жуткие неумехи. Пластики – ноль. Зато тела, как ты любишь, мясные. Оба гимнасты... ну, из неудачников. На шесте вытворяют нечто необыкновенное, смотрю и облизываюсь. Ильяка увидит – убьет...

Ирина усмехнулась. То, что Влад – голубой, аж до синевы, знали все, хотя он достаточно неумело маскировался под натурала и даже упорно распускал слухи о грядущей женитьбе. На работе, впрочем, от коллег особо не таился, да и смысла не было после жуткой сцены, которую закатил ему ревнивый Илья Сахаров, певец из ночного клуба.

– Илья тоже выступает сегодня? – быстро спросила она.

– Не, он на корпоративе. Банк гуляет. Ручку красиво позолотили, мне бы так, – вздохнул Влад. – Ну что, придешь? Она пожала плечами.

– Не знаю. Муж вряд ли захочет, надо компанию искать. Завтра все-таки рабочий день. Если смогу – приду...

Ей казалось, что Владу абсолютно все равно, придет она или нет. Бросив торопливое «Пока!», он понесся по проспекту домой, с беспокойством поглядывая на небо.

Ирина тоже задрала голову к облакам. Ей показалось, что

они сгустились и, возможно, вот-вот перейдут к активным действиям, а зонт остался дома. От того, что занятия сорвались, она ничуть не расстроилась, быстро забежала в пару магазинчиков, а потом, перемерив обновки, зашла в кафе, где уселась у громадного окна-витрины, прихлебывая зеленый чай с одиноко лежащим на блюдечке не то пирожным, не то конфетой «рафаэлло»: белым кругляшом в кокосовой стружке, причем слишком сладким. С кухни восхитительно пахло мясом, но Ирина терпела, пообещав себе приготовить на ужин камбалу.

Домой вернулась на два часа раньше положенного, что просто не могло кончиться хорошо. Сволочной день решил подкинуть еще один сюрприз.

В прихожей она сразу споткнулась о сапоги: женские, пошлого красного колера, с вызывающим переплетением страз, ремешков и бантиков, совершенно девчоночьи. От смутно знакомого черного плаща на вешалке одуряюще несло сладкими карамельными духами. Из колонок музыкального центра грустно пела Шаде, а в спальне, под ритмичное поскрипывание, женский голос повторял как заведенный:

– О, да, Сереженька, о, да...

Не разуваясь, чеканя шаг, как юный гренадер, Ирина пошла к спальне, не заботясь, что грязные сапоги оставляют следы на ковре, и толкнула приоткрытую дверь...

На кровати, на ее кровати, верхом на ее муже сидела Наталья, бесстыдно нависая над лицом супруга полными гру-

дями. Когда та вскинула голову, разметав копну золотистых кудряшек, на лице появился самый настоящий ужас. Соседка застыла, а «Сереженька» неловко выгнулся и тоже уставился на дверь, вытаращив глаза.

Ирина попятилась.

Квартира, пропахшая карамельным парфюмом и сексом, вдруг показалась ей западней, и она бросилась прочь, не разбирая дороги. Добежав до выхода из подъезда, услышала позади торжествующий хохоток:

– Прос-с-ситутка! Ш-а-а-алава-а-а-а!

Дверь жახнула так, что Наталья вздрогнула. Вытаращив глаза, она смотрела в проем, где все мерещилась фигура в широком пальто.

– Господи, что это было? – промычал Сергей из подушек, в которых утопала его голова.

– По-моему, твоя жена, – медленно произнесла Наталья.

– Как же... ее минимум до двух не должно быть, – беспомощно произнес он, хмурясь. Соседка не ответила. Ее губы медленно расплывались в идиотской улыбке.

М-да, ситуация как в анекдоте. Возвращается жена из командировки...

Наталья глупо хихикнула. Ну не могла себя сдержать, видя нелепость всей ситуации. Жена на пороге, а муж в койке, голый, держит за задницу оседлавшую его любовницу, после чего глупо спрашивает: «Что это было?» Она рассмеялась и

даже откинулась назад, ощущая его внутри себя. Сергей нахмурился:

– Чего ты ржешь? Что смешного?

Она не ответила, продолжая хихикать, и тогда он, цепко схватив ее за попку, повалил на бок, придавив ногу так, что та ахнула. Потом, кряхтя, неуклюже взгромоздился сверху, дергая задницей вверх-вниз с яростной спешкой.

– Господи! Сережа, ты что?!

Он не отвечал и только сопел, как паровоз с разгорающейся топкой. Ускорившись до предела, мужчина конвульсивно дернулся раза три и замер, нависнув над Натальей с красным потным лицом и готовой сорваться каплей на носу.

– Господи, ты просто животное, – пробурчала она. – Слезь с меня, извращенец!

Наталья была уверена, что любовник, напротив, прижмется еще сильнее, как бывало всегда после секса, но тот отстранился, неуклюже перекатился на край кровати и встал, сдерживая презерватив. Прошлепав босыми ногами по полу, он зашел в ванную, откуда спустя мгновение донесся шум воды.

Она полежала на пропахшей потом постели еще несколько минут, после чего поднялась и пошла следом, чувствуя, как по коже побежали мурашки. В квартире было прохладно. Из приоткрытого кухонного окна доносился городской шум.

Сергей, мокрый, голый, с влажными волосами, сидел на унитазе и курил.

– Ну, ты меня удивил, – растягивая гласные, сказала Наталья, ступая в нагретую теплой водой ванну. – Надо же, жена на пороге, а ты только и думал, что еще не кончил!

Он усмехнулся, криво, на один уголок губ.

– Она все равно уже все видела, – последовал спокойный ответ. – Не бежать же мне за ней, верно? Почему бы тогда не продолжить? Тем более что...

Наталья задернула штору и подняла вверх рычаг смесителя, обрушив на свое тело горячий водопад.

Ох, как ей не понравилось это высказанное вскользь «тем более»...

Сколько себя помнила, она строила искусные планы по заманиваю в свои силки мужиков, поскольку уяснила еще с младенчества: кроме красоты, рассчитывать ей не на что. Прописную истину, что все мужики – сволочи, ей раскрыла еще мать.

– Все они – козлы, – в сердцах сказала та как-то, получив на почте очередную скудную пайку алиментов. – Им от тебя только одного и надо. А как добьются, фьют, ищи ветра в поле!

– Чего – надо? – спросила маленькая Наташа, думая, отведут ли ее сегодня в кафе-мороженое, а потом – в «Детский мир» за новой куклой или платьем.

– Подрастешь – узнаешь, – зло ответила мать, спрятала деньги и, сильно дернув Наташу за руку, потащила к остановке, так и не зайдя ни в кафе, ни в магазин. Дочь обиде-

лась, попробовала ревом призвать маму к ответу, но та надавала ей по губам и, велев замолчать, запихнула в автобус. А реветь в автобусе было глупо, потому что всегда находилась какая-нибудь гадкая бабулька, которая, удобно устроившись на сиденье, начинала выговаривать дребезжащим голосом:

– Какая плохая, невоспитанная девочка! Разве хорошие так себя ведут?

Старух Наталья не любила, твердо решив, что до старости не доживет и непременно повесится, чтобы не походить на этих сморщенных жаб. А разговор этот запомнила навсегда, оставшись в тот день без подарка.

Алиментов от отца уже не хватало. С каждым годом жизнь дорожала, а вторая папочкина супруга тоже подала на алименты.

– Это она, сучка, специально сделала, чтобы нам меньше досталось, – негодовала мать. – Ведь живут-то вместе... Я в партком напишу, пусть его там пропесочат...

Но в ту пору многоликая гидра парткома уже находилась на последнем издыхании. Грянула перестройка, а за ней – голодные девяностые. Рушилась эпоха, под горку катилась целая страна, трещащая по швам. Что было стране до мелких проблем семьи Натальи Иванцовой, когда сперва отделилась Прибалтика, а потом и все остальные союзные республики, пожелавшие независимости.

Примерно в те годы девушка поняла, что значит быть красивой. Зачитываясь «Унесенными ветром», она долго пере-

катывала в голове фразу, мол, если девушка достаточно ловка, то кавалеры падают к ее ногам, словно спелые груши. Или яблоки. За точность цитаты она не ручалась, но суть уяснила хорошо.

Поначалу это были мальчики, у которых можно было списать домашнее задание, с которыми можно было сходить в кино, посидеть в кафе и при этом не платить ни копейки. Их сменили юноши, затем – мужчины. Наталья усиленно трясла свою «грушу», стараясь не упустить ни одного достойного кавалера, готового бросить к ее ногам все.

Кавалеров было много. Достойных – единицы. И замуж никто не звал. А годы, жестокие и точные, шли.

От отчаяния она вышла замуж за одного, показавшегося наиболее перспективным. Супруг был из хорошей семьи, внук профессора, сын шишки из администрации. Сам же проходил по категории «золотая молодежь». Наталья приняла предложение и даже спешно забеременела: на всякий случай, чтобы не упустить уходящий состав. На тот момент ей уже было двадцать четыре.

Свадьбу сыграли не слишком помпезную, только для своих. Наталья даже удивлялась, почему грозный папенька из верхов не наложил вето на брак, уберегая золотое чадушко от невесты, о которой ходили не самые приятные слухи. Удивление прошло быстро, когда Наталья поняла: золотко оказалось самоварным.

Муж был тайным наркоманом.

Он загнулся от передоза спустя два года после свадьбы. Окоченевший труп в соседском подъезде нашла баба Стеша, на тот момент еще бодрая. Свекровь долго плакала и все боялась, что внучка Алена родилась неполноценной. Наталья же за дочь не переживала – ей было просто наплевать. До дочери ли, когда собственная судьба покатилась под горку?

В наследство осталась квартира, куда приходили новые кавалеры, проводили ночь или две, а уходя, оставляли деньги и приятные сувениры. Замуж не звали.

Однажды в числе гостей оказался сосед, Сергей Чернов, полноватый, обходительный, муж местной балерины, суровой и не улыбочивой, с льдинистыми серыми глазами и манерами аристократки.

Соседку Наталья возненавидела, а ее супруга решила прибрать к рукам, что получилось до удивления просто. Кажется, он привык ходить налево. Встречаться с Сергеем было весело. Они конспирировались, как шпионы, удаляя звонки и СМС. Спать с ним в постели, пропахшей духами жены, казалось любовнице невероятно пикантным.

Она не просила подарков и денег, а он и не предлагал, наивно полагая, что ей ничего не нужно. На самом деле планы в отношении соседа были выстроены давным-давно. И сейчас, когда все свершилось, пора было приводить их в исполнение.

– И что ты будешь делать? – спросила Наталья сквозь шум воды.

Сергей вздохнул.

– Наверное, пойду каяться. Не знаю. Розы куплю, кольцо какое-нибудь.

Она нажала на рычаг, и вода перестала литься. Одернув занавеску, женщина вздернула подбородок.

– А как же я?

Мужчина посмотрел на нее ничего не выражающим взглядом.

– А что – ты?

Переступив через бортик ванны, Наталья уселась на стиральную машину, вынула сигарету у него изо рта и затянулась, как ей казалось, шикарно.

Куда там Шэрон Стоун в ее «Основном инстинкте»!

– Разве такие мужчины, как ты, бегают за женщинами? – усмехнулась она и повела плечами, как бразильская актриса в старой мыльной опере. Там это выглядело сногшибательно. Наталье хотелось думать, что и ее плечи не менее соблазнительны.

– А что, не бегают? – усмехнулся Сергей.

– Нет конечно. Ты слишком шикарный. Альфа-самец, который может позволить себе выбрать любую.

Фразочка про альфа-самца прозвучала как-то неубедительно, наверное потому, что она понятия не имела, кто такие альфа-самцы. И поэтому захотела закрепить слова делом, слезла с машинки и попыталась пристроиться к нему на колени, бегло подумав, что они, восседая на унитазах, выгля-

дят как два идиота.

Погладив его по спине, Наталья полезла с поцелуями, а оторвавшись от его губ, стала ждать, что он скажет.

Он почесал нос и сказал:

– Ты мне все ноги отсидела.

Сергей завозился, и Наталье пришлось встать. Оставленная сигарета дымила на машинке, оставив на белом пластике коричневый след. Мужчина взял ее и швырнул в унитаз, нажал на смыв и открыл дверь, впуская холодный воздух. Не глядя на любовницу, он пошел в спальню, оставляя на полу влажные отпечатки босых ног.

Чувствуя себя полной дурой, Наталья пошла за ним, застав его ползающим на коленях.

– Ты что, не разведешься с ней?

– Ты не видела мои трусы?

– Я тебе вопрос задала.

Стоя к ней голой задницей, Сергей сокрушенно вздохнул, отыскал под одеялом трусы, нацепил их и ответил:

– Конечно нет.

– Как это? – непонимающе отозвалась Наталья.

– Так это. Ты бы оделась, холодно.

Он нашел ее лифчик и протянул, брезгливо нацепив на палец. Соседка дернула нижнее белье к себе.

– Но почему? Нам ведь хорошо, верно?

– Хорошо.

– Тогда почему не хочешь развестись?

Он снова вздохнул.

– Наташ, не начинай, а?

– Я просто хочу знать: почему ты не хочешь разводиться?

– Потому что не хочу. – Сергей пожал плечами. – И никогда не хотел. Чего ты от меня ждала? Что брошу Иру и прибегу к тебе? Извини, конечно, но ты прекрасна только в качестве любовницы.

План, на который она так надеялась, рухнул. Это только с виду конструкция казалась железобетонным монолитом. Стоило повеять легкому бризу, и все развалилось, словно домик из детских кубиков. Этого она не ожидала. Всхлипнув, Наталья схватила свитер, нацепив его на голое тело, нашла брюки и, одевшись, пошла в прихожую с гордо поднятой головой. Сергей ждал, пока любовница обуется, после чего открыл дверь. В последний момент Наталья бросилась к нему с поцелуями, что он выдержал с вежливым снисхождением.

– Ну хорошо, – холодно сказала она. – Но ты забыл, что на развод может подать и твоя благоверная. И когда это произойдет, сам приползешь ко мне на коленях.

– Вряд ли, – усмехнулся Сергей. – Ты же сама сказала: я – альфа-самец. От таких не уходят.

На улице было холодно, сыро, и скоро Ирина, бесцельно шатавшаяся по проспекту, просто ооченела, упрямо игнорируя различные питейные заведения, где можно было согреться. В кафе и ресторанах могли встретиться знакомые,

и ей совершенно не хотелось объясняться по поводу своего перевернутого лица.

По улицам тоже шатались знакомые, малознакомые, почти незнакомые люди, отчего приходилось здороваться через каждые десять метров. Разговаривать, когда на душе было скверно, ей не хотелось.

Ирина решительно свернула в городской парк, купила у замерзшей лоточницы кулечек попкорна и, затерявшись между застывшими до весны каруселями, стала искать место, где можно присесть. Скамейки были мокрыми. Смахнув капли ладошкой, она забралась туда с ногами и уселась на спинку, поклевывая теплый попкорн, словно птица.

Как быть? Что делать?

Ветер, сырой, промозглый, как в Петербурге, забрался ей за шиворот, мокрая голова мгновенно заледенела. Поморщившись, Ирина размотала шарф на шее, покрыла им голову и подняла воротник повыше. Так-то лучше. Мысли вязли в мутной жиже обиды. Одна экранная героиня как-то воскликнула: «За что мне такая злая беда?» И сейчас, вяло пережевывая кукурузные хлопья, Ирина тупо повторяла про себя: «За что мне такая злая беда?»

А ведь была твердо уверена, что самое худшее уже случилось и больше ничто не сможет выбить ее из колеи. И вот прошло всего ничего, а она сидит на мокрой скамейке и думает, что жизнь кончилась. Что самое печальное – никак не получается разобраться в своих чувствах.

Тогда, три года назад, — боже, боже, как давно! — она в какие-то считанные дни испытала все: удовлетворение от собственного труда, короткий триумф и эйфорию, смешанную с мучительной болью, а потом унижительное отступление в дальний окоп, где пришлось зализывать раны. Сейчас и отступать некуда, и поддержки ждать не имеет смысла. Ирина поежилась. Три года назад отношения были другими. Муж любил, а она...

Сережа был своим, знакомым с детства, насквозь родным и привычным. Друг семейства, выбившийся в люди благодаря папочкиной протекции, умный, начитанный, слегка циничный. Кавалер на всех мероприятиях, с которым она танцевала неуклюжие вальсы, поскольку он был неповоротлив, как бегемот, и постоянно наступал на ноги. Как-то сразу было решено, что, как только стукнет восемнадцать, они пожениятся, и поскольку других вариантов не было, Ирина так и поступила. Да и в самом деле, за кого еще? В училище мальчишки были либо давно разобраны, либо сами предпочитали мальчиков.

На самом деле ей было все равно. Сергей был ничуть не хуже других кандидатов, к тому же относился к Ирине настолько трепетно, что раздумья оказались недолгими. Она на тот период была одержима сценой, карьерой, которая медленно шла в гору, так что на мужа времени оставалось мало.

Супруг был настолько своим, что Ирина была уверена: деться ему некуда. И сегодня, получив сокрушительный хук

от соседки, заслуживающей только снисходительного презрения, женщина растерялась, не зная, как быть.

К лавочке подбежала собачонка: мокрая, жалкая, с трясущимися боками, – и посмотрела на Ирину с робкой надеждой.

– Я сама теперь, похоже, бездомная, – вздохнула женщина и высыпала попкорн на асфальт. Собака понюхала хлопья, но есть не стала и, робко вильнув хвостом, уставилась прямо в глаза.

– Иди уже, – рассердилась Ирина. – Нет у меня больше ничего.

Собака вздохнула и побежала дальше, продолжая трястись. Глядя на нее, женщина поняла, что сама вымокла, замерзла, и наверняка нос покраснел. Шататься по улицам было уже невыносимо, идти домой или к родителям – невозможно, потому что придется объясняться, что-то говорить, а у нее не было ни желания, ни сил. Подруги тоже не вариант, поскольку непременно начнут сочувствовать или тайно злорадоваться, чего тоже не хотелось до колик в желудке. Робкую мысль о гостиничном номере подавил внутренний протест. К тому же для этого нужен паспорт, а он остался дома.

Получалось, что идти некуда.

Еще в училище, когда ее не поставили на главную роль в «Лебедином озере», старенький хореограф спокойно ответил на гневную тираду:

– Балерина должна быть либо гениальной, либо тупой как

пробка. Ты, Ира, не гениальна, уясни себе это раз и навсегда. Но самая большая беда, что для отличной балерины ты слишком умна. А это плохо. В нашей профессии думать надо чем угодно: ногами, руками, шеей – но только не мозгами. Попробуй их отключать, и тогда все получится.

Она решительно поднялась со скамейки и, расправив плечи, зашагала домой, заставляя себя не думать. Под ее каблуками прощально хрустнул попкорн, вдавленный в мокрый асфальт.

Баба Стеша снова шипела из-за двери проклятия, и впервые за много лет Ирина захотела вломиться в квартиру и выдергать ее седые патлы. Подойдя к двери, она выдохнула, тайно надеясь, что мужа нет дома.

Сергей, естественно, был дома, выглянув из кухни с винноватым видом. В квартире бубнил телевизор, а с кухни пахло кофе и вроде бы чем-то жареным. Ирина скинула мокрые сапоги и, не глядя на мужа, стала разматывать шарф.

Он подошел вплотную, помог снять пальто и сказал куда-то в пространство:

– Нам, наверное, надо поговорить.

– Я не хочу ни о чем говорить.

Супруг не стал настаивать, ушел на кухню. Отлежавшись в ванне, Ирина прошла в спальню, отметив, что белье постелено свежее. Муж проявил понимание, устроившись спать на диване. Оставшись на ночь в одиночестве, женщина расслабилась и приготовилась к слезам, однако заплакать так и

не смогла.

* * *

Стена, до сих пор стоявшая неподвижно, вдруг дернулась и медленно поползла вниз, потянув с собой потолок, как в барабане лото. Впечатления усиливал жуткий грохот перекатывающихся внутри бочонков с лоснящимися костяными тушками.

«Если сейчас ведущий крикнет что-то вроде: – «Барабанные палочки!» – я сойду с ума!»

Дима Волков застонал и закрыл глаза. Комната еще долго ходила ходуном, а потом замерла, приготовившись к очередному рывку, как почуявший добычу кот. Грохот рядом не утихал, накатывал волнами, раскатистыми, бьющимися о прибрежные рифы.

Надо же было так напиться!

Парень приоткрыл один глаз. Комната, словно того и ожидая, медленно сдвинулась с места. Застонав, он опустил с кровати ногу. Иногда, если себя «заземлить», тошнота и чувство дезориентации отступали. Сегодня этого не произошло. Движущиеся стены на миг застыли, а потом снова начали беспощадную круговерть. Дима закрыл глаза, но от этого стало только хуже. Теперь стены вращались внутри глазных яблок. К горлу подступил тяжелый вязкий ком.

Да что же это грохочет рядом?

Осторожно, словно хрустальную, он повернул голову вправо и открыл глаза, поначалу не сообразив, что видит... какие-то водоросли, что ли? Куча водорослей, принесенных прибоем, до сих пор терзаемая волнами?

При чем тут комната? Стены, кровать, тяжелое одеяло, под которым лежала его потная тушка, и что такое горячее рядом?

Дима осторожно пощупал под одеялом рукой. Баба, что ли? Точно... А кто? И где он вообще?

Начиналось вчера все чинно, благородно. Субботний вечер обещал быть приятным и прибыльным. После долгих уговоров хозяйка ночного клуба «Парк-таун» Надежда, высокая, с длинной немодной косой, согласилась выпустить их на сцену.

– Вообще-то мне ваш андеграунд на фиг не нужен, – задумчиво сказала она. – Народ собирается простой. Им под диско поколбаситься или, вон, под Сердючку. Это если публика солидная. А молодежи поставишь клубняк, и они скачут, счастливые и довольные. А тут вы с вашей философией...

– Мы не андеграунд, а рок-группа, вообще-то, – буркнул Дима. – Готы.

– А мне фиолетово, вообще-то, – парировала Надежда. – Неформатны вы для ночного клуба.

Он обиделся, но встать и уйти было выше его сил. Пропади они пропадом, эти молодежные веяния, клубный хаос,

дешевая попса и вышедшее из моды, но почему-то до сих пор не умирающее диско. На рок, да еще готический, спроса в глуши не было.

Нет, не то чтобы молодежь вообще не знала, кто такие готы. Телевизоры все-таки имели, и Интернет, клипы смотрели, песни скачивали, потихоньку фанатея от Evanescence, Within Temptation и HIM, но на концерты городских готов ходили вяло, возможно, потому, что ходить особо было некуда. Как-то после очередного концерта, всей группой сокрушенно вздыхая, они поплакались, что своих зрителей знают уже не просто в лицо, а по именам. А как не узнать, если на концерты ходят одни и те же?

Выступал Дима со своей командой в основном по кафе и ресторанам, потому как приличных клубов в городе было не то чтоб завались, и они в большинстве своем предпочитали не тратиться на живые выступления рокеров. Зачем, если под рукой всегда был заезженный до дыр диск с Сердючкой и ремиксами хитов восьмидесятых? Живые исполнители, выходя на сцену, исполняли свой репертуар не так часто, как хотели бы, поскольку разгоряченная водкой публика требовала хитов про белого лебедя на пруду или одинокого бродягу Казанову – смотря кто гулял. Налоговая почему-то больше любила про лебедя, а чиновники – что-нибудь из раннего репертуара Аллы Борисовны.

В кафе и ресторанах тоже заказывали и белого лебедя, и Казанову, и, чтобы заработать, приходилось играть и

петь. Димка, если что, распускал длинный хвост и косил под нестареющего Леонтьева. Иногда, особенно на кураже от щедрого гонорара, получалось весьма недурственно, хотя наутро он себя ненавидел. Но делать было нечего, оттого все относились к происходящему как к работе, нудной, противной, но необходимой. А под шумок, когда посетители уже ничего не соображали от выпитого, играли свое, получая кайф от процесса.

Поначалу они еще пытались как-то двигаться, тусоваться, «мутить», как это было принято в их сфере: таскались по городу в черных косухах, с невероятными начесами и выкрашенными в черный цвет волосами, ногтями и губами. Но непродвинутая общественность признавала в них не готов, а педиков, что было невероятно обидно. Как-то гопники подкараулили всю группу после выступления. Пришлось отбиваться чем бог послал.

После столкновения с гопотой потери оказались внушительными. Басист Виталик остался без гитары, Димке выбили два зуба, а барабанщик Леха, по прозвищу Лом, вообще решил уйти из группы. Вернулся, конечно, куда ему было деваться, но теперь, отыграв выступление в своем inferнальном обличье, они смывали боевую раскраску, если приходилось потом выходить на улицу.

Не готика, а нелепица какая-то. Подделка. Разве это борьба за убеждения?

Стыдоба. Позорище.

Хозяйка клуба, постукивая ногтями по столешнице, казалось, о певце забыла, а уж на его душевные терзания и подавно не обращала внимания, хмуро листая ежедневник. Наконец подняла глаза, как раз в тот момент, когда он неловко дернулся, готовясь встать и уйти несолоно хлебавши.

– Ну фиг с тобой, уговорил. Хэллоуин скоро. Попробуем вас выпустить там, если, конечно, не облажаетесь. Обкатаем программу. Собирай свою банду, придете в понедельник, все равно зал пустой. Своих фанатов подтяните, может, хоть на пивасике заработаю. Если вас хорошо примут, буду периодически приглашать. Может, какой рок-фестиваль устроим или что-то такое...

Дима обрадовался, уронил стул, едва не опрокинул чашку с чаем, в которой скучал пакетик «липтона», долго тряс Надежде руку, обещая, что все будет в лучшем виде. Из кабинета вышел степенно, хотя это удалось с большим трудом. А вот на улице, как только «Парк-таун» остался за углом, он по-щенячьи запрыгал от восторга и стал вызванивать членов своей «банды», как изящно выразилась хозяйка клуба.

Фанатов оповестили заранее, развесили объявления в местах их наибольшего скопления, включая «Твиттер», «Фэйсбук» и «ВКонтакте». Дима был до последнего уверен, что на концерт никто не придет, и тогда на выступления в Хэллоуин им надеяться бесполезно. Однако клуб набился не то чтобы до отказа, но весьма ощутимо. В темноте у сцены бродили неясные призраки в черном, сжимая в руках пиво, сигареты,

громко подпевая каждому куплету. В гитарной какофонии бьющих по ушам басов происходящее напоминало веселенький ад.

Дима был счастлив.

После концерта они весело напились здесь же, в баре, принимая поздравления от фанатов. Вроде бы к нему подкатила какая-то журналистка, задавая умные вопросы, но это уже скрывалось за алкогольным маревом, а дальнейшее вообще выпало из памяти. И вот он просыпается наутро незнамо где, незнамо с кем, с дикой головной болью и легкой амнезией.

Парень скатился с кровати и со стоном направился разыскивать ванную. Свет за окном был излишне ярким. Собственное отражение в зеркале выглядело жалкой пародией на человека.

Он умылся холодной водой – горячей все равно не было. Коврик на полу отсутствовал, отчего голые пятки чуть ли не примерзали к стылому кафелю. Усевшись на унитаз, Димка из-под полуприкрытых век осмотрелся, придя к выводу, что интерьер все-таки видит впервые.

Ладно, разберемся...

Он вышел из ванной и стал собирать одежду, разбросанную по всей квартире. В спальне тем временем прекратился храп, что-то завозилося, и в тот момент, когда Дима уже натягивал на озябшие ноги носки, чей-то хрипловатый голос, странно пришепетывая, произнес:

– Дорогой, ты уже встал?

Она стояла в дверном проеме, зябко обхватив голые плечи руками, кокетливо выставив вперед ножичку, что, по задумке, должно было выглядеть эротично, но несколько не выглядело. Однако Диму это зрелище проняло до глубины души.

– Э-э-э... – промычал он, не в силах оторваться от видения.

Слава богу, хотя бы баба! Вчера он так нажрался, что мог и с мужиком заснуть. То-то приколы были бы... Несмешной, правда. Впрочем, внимательно оглядев замершую у дверей мадам, Дима подумал, что хрен редьки не слаще.

Ей было лет тридцать пять, а то и все сорок. По опухшему со вчерашнего перепоя лицу понять оказалось невозможно, не паспорт же просить! На физиономию с размазанной косметикой падала жидкая рыжая челка. Пухлые щеки обрамляли жирные патлы. Под глазами, маленькими, невыразительно-серыми, торчал крупный нос, а под ним – тонкие полуоткрытые губы.

Димка опустил глаза ниже и стыдливо потупился.

Ниже тоже не оказалось ничего интересного. Тело, обрюзгшее, неухоженное, никаких эротических поползновений не вызывало. Грудь свисала, как спаниельши уши, на животе скопились бублики сала, а ляжки – здоровые, как у слона, в целлюлитных корках – были странного синюшного оттенка, отчего трусики, кокетливо-красные, в кружевах, смот-

релись неуместно и даже дико.

Самое смешное, что лицо казалось знакомым, но кто эта особа, вспомнить, хоть убей, не получалось.

Пока он переминался на месте, женщина решительно рванула вперед и, обвив руками его шею, впиалась в губы поцелуем, который должен был изображать страсть. Димка инстинктивно дернул головой, шарахаясь от незнакомки. Их зубы стукнули друг о друга, как бильярдные шары, с такой силой, что он охнул.

– Классный был вчера вечер, – заключила незнакомая баба и облизнула губы. Слова выговаривала плохо, спотыкаясь на шипящих, словно выплевывая их семечковой шелухой.

– Э-э-э, – промямлил Дима.

– Ты классный, – прошептала она и, захватив Диму в медвежьи объятия, сунула язык ему в ухо. Это уже никуда не годилось!

Решительно оторвав ее руки, он шарахнулся прочь, налетел на косяк и скривился от боли. Женщина, скрестив руки на груди, наблюдала за ним с презрительной усмешкой.

– Куда же ты так спешишь, миленький Буратино? – пропела она голосом киношной лисы.

– Э-э-э... – пролепетал Дима и даже брови нахмурил в тщетной попытке вспомнить имя женщины.

– Вера, – подсказала она.

– О, точно, Вера! – обрадовался он. – Ты очень классная, спасибо за вечер... и все такое, но сейчас мне пора бежать...

И кстати, где я?

Она снова усмехнулась, развела руками в стороны, точно удивляясь его глупости.

– У меня, разумеется.

Как будто это что-то проясняло!

Решив не выяснять адреса, Дима попятился к дверям, надел свои ботинки, заляпанные грязью до самого верха, и торопливо сунул в них ноги. Они были мокрыми, но на эти мелочи парень решил не обращать внимания. Нашупав дверную ручку, начал рвать ее на себя, но дверь не поддавалась. Вера стояла на прежнем месте, не делая попыток помочь ему, и только улыбалась. Наконец Дима нашупал ключ, повернул его и пулей вылетел в холодный грязный подъезд со стойким запахом кошачьей мочи.

На прощание нужно было что-то сказать, но слова не лезли. Да и как прощаться с толстой, мятой бабой, возмнившей бог весть что из-за совместно проведенной ночи?

– Я... того, позвоню, – невнятно пробурчал он.

– Конечно-конечно, – благовоспитанно ответила Вера. Дима прикрыл дверь, услышал, как лязгнул ключ, и поплелся по лестнице вниз.

Бахнув дверью подъезда, он выскочил на улицу, вдохнув сырой осенний воздух. Район оказался знакомым. Центр, неподалеку университет, общага, где по юности и глупости было проведено много бурных ночей с местными девчонками, обучавшимися на музыкальном факультете. Напро-

тив – ресторанчик и компьютерный магазин с притулившимся сбоку интернет-кафе. Рядом, буквально в двух шагах, находилась остановка, где притормаживали, поглощая редких воскресных пассажиров, маршрутки, автобусы и рогатые троллейбусы, древние, как вымершие ящеры, с дрожащими дверцами-гармошками. Прислонившись к железной опоре остановки, Дима, с которого схлынула волна адреналина, почувствовал слабость и тошноту.

Самое неприятное, что Веру он знал. Точнее, не то чтобы знал, но много слышал о ней, периодически видел на разномастных культурных мероприятиях и даже когда-то выпивал в одной компании, но тогда все, к счастью, закончилось куда более благополучно. Она слыла странной даже в своих кругах, одевалась диковато, без вкуса, а в последнее время и подавно рядилась в наряды, более подходящие четырнадцатилетней девочке. Местная богема, отдавая должное таланту Веры, тем не менее сторонилась и предпочитала не связываться с акулой пера. Характер у нее был склочный, она злопамятно мстила даже через много лет после нанесенной обиды, изливая желчные комментарии на местных форумах. Впрочем, знающие люди над этим тайно похихикивали, поскольку реального вреда перепалки в Интернете нанести не могли. Провинция же, не столица!

Провинция... Да уж...

Когда подъехавший троллейбус уже начал двигаться, Дима спохватился, спешно взглянул на номер и торопливо

вклинился в закрывающиеся дверцы. Рухнув на сиденье, он охнул, обхватив руками многострадальную голову, в которой загудели колокола.

– За проезд оплачиваем! – рывкнула кондукторша над головой. Парень, не глядя, вытащил из кармана кучу мелочи и сунул в подставленную ладонь.

– Сдачу возьми!

Он сунул деньги обратно в карман и прикрыл глаза.

– И билет. Накидаются с утра, алкашня хренова!..

Троллейбус качало на волнах, словно тонущий «Титаник», а каждая остановка, каждый светофор были теми самыми айсбергами, о которые он спотыкался в пути, заставляя тошнотворный комок подниматься вверх, к самому горлу. Дима судорожно сглатывал, морщился и впивался ногтями в ладони, размышляя коркой подсознания, успеет ли выскочить из троллейбуса в случае крайней необходимости или же заблует все вокруг?

Надо было пива купить...

Троллейбус все лязгал дверями, а кондукторша верещала над ухом, терзая новую жертву. Дима с трудом оторвал голову от ладоней и посмотрел, кто там смеет пререкаться с властительницей проводов, обшарпанных сидений и грязных салонов.

Перед ним стояло чудо.

Женщине, поразительно контрастирующей с рыхлой, опухшей с перепоя Верой, было около тридцати. Несмотря

на широкополое пальто, она казалась удивительно стройной, с восхитительно длинной шеей, на которой держалась голова с точеным холодным лицом.

Такое лицо Дима видел в детстве, в старом советском мультфильме про Снежную Королеву. Несмотря на отрицательную роль, холодная злодейка нравилась ему куда больше пустоголовой Герды, и он, часто представляя себя на месте Кая, думал, что никогда не ушел бы из дворца по доброй воле. Разве можно променять на кого-то эту красоту?

Глаза у троллейбусного видения были под стать мультяшной Королеве: серые, словно слой глубоко уходящего в воду льда. И две эти льдинки смотрели на Диму с безгливостью и презрением.

Он не успел ничего сделать. Двери открылись, и она удивительно изящно соскользнула со ступеней на улицу, откуда проводила троллейбус внимательным взглядом. Диме показалось, что женщина смотрит прямо на него, и тогда отчаянно пожалел, что не вышел следом, хотя шансов все равно не было никаких. Ни единого.

Когда за Димой закрылась дверь, Вера еще с минуту стояла не шевелясь, словно изваяние, смотрела на качающиеся в замке ключи и «держала лицо». Она была уверена, что сейчас Дима вернется, распахнет дверь и...

Дальше ничем не сдерживаемая фантазия показывала неприличное.

В мечтах Вера видела себя красавицей, достойной самых лучших мужчин, готовых бросить к ее роскошным ногам меха, бриллианты и новенький «Порш Кайен», увезти на Мальдивы и там, одетыми в цепи и ошейники, жрать с руки виноград. Иногда мечты захлестывали ее волной, и тогда она бросалась к «станку», долбила по клавишам с остервенением и жаром, отчего статьи получались сочными, с броскими аллегориями, запоминающимися, растаскиваемыми на цитаты. Для этого и нужно было всего ничего – мужчинку определенного типажа, глядя на которого хотелось вдохновляться, работать, творить.

Потом на нее обрушивалась суровая реальность. Мужчины к ногам не падали, в штабеля не укладывались, бриллиантов и мехов не дарили. В такие дни Вера молча курила у окошка, забивала на работу, довольствуясь вялой обработкой рассылаемых пресс-релизов, а когда требовалось что-то значимое, беззастенчиво подворовывала материалы коллег и, переставив местами пару абзацев, смело подписывала статью своим именем.

Муж тоже имелся. Вполне себе с именем, местный художник, но и к его творчеству, и к нему самому женщина давно охладела. Когда-то они познакомились на выставке, великие долгие разговоры об искусстве, Ренессансе, Леонардо, Малевиче, перебрали всех великих, значимых и как-то постепенно на этой почве сошлись. Вера писала о будущем муже вдохновенные статьи, договаривалась с местными телекана-

лами о передачах с ним, подсовывала творчество иностранным делегациям, в надежде, что заметят и даже переведут в великие или хотя бы модные, вроде Никаса Сафронова.

Потом это надоело. Муж надежд упорно не оправдывал. Картины распродавались плохо, телеканалы в гости уже не приглашали, а в музее искусств дважды сорвалась выставка по причинам тривиальным: он пил и часто не успевал подготовиться. Супруга злилась, скандалила, но против пьянства благоверного была бессильна.

В данное время супруг отсутствовал. После громкого скандала он, надутый и важный, переехал в свою студию – крохотную однушку на окраине, что Веру вполне устраивало.

Больше всего ее раздражало, что она и сама погружается в эту серость существования. Для встряски требовалась новая любовь или хотя бы увлечение, потому что без этого не получалось нормально работать. Не над статьями, нет. Она давно оставила желание стать первой и лучшей журналисткой города. Теперь Вера хотела написать книгу, разумеется, о любви, разумеется, о несчастной. Понукая свою Музу, женщина мрачно понимала, что ничего путного из задуманного романа не выходит.

Муза корчилась в агонии и давать подсказки решительно отказывалась, требуя подпитки.

На концерте местных готов она оказалась случайно. Возвращалась домой, наткнулась на истрепанную афишку, на-

писанную вычурным шрифтом на простом листке формата А5, хмыкнула и завернула в клуб. Музыка этой группы она никогда не слышала, но заранее настроилась на провал, приготовившись разнести их в пух и прах.

Изнутри клуб походил на ад: вокруг бродили существа неопределенного пола, затянутые в черное, размалеванные в багрово-черно-белые тона, попивали и орали друг другу в ухо, поскольку из динамиков выли гитары, а солист рычал в микрофон слова песен. Слегка напуганная, Вера забилась в угол, заказала пиво, твердо решив, что уйдет через пятнадцать минут.

Музыка, к ее удивлению, оказалась неплохой, и даже текст вполне приличным. На уровне, так сказать.

После концерта она нашла музыкантов, представилась и решительно потребовала интервью. Молодой солист, лица которого журналистка не видела из зала, любезно предложил присесть.

Разглядев его, Вера охнула и села.

Вот это да! Колин Фаррелл, Антонио Бандерас в молодости и еще два десятка киношных испанцев замелькали у нее перед глазами. В животе вдруг потеплело, и, чтобы не спугнуть это состояние, женщина придвинула стул ближе, едва ли не касаясь красавчика бедром.

– Почему вы выбрали это музыкальное направление? – проблеяла она.

Тот пожал плечами:

– Это состояние души, наверное. Мы разную музыку исполняем, но готика – это то, что идет изнутри.

– Вам не кажется это странным? Ведь, если разобраться, это направление нашему народу должно быть чуждо, как все иноземное. Вам самим не кажется фальшью то, что вы сейчас представили на сцене?

Он помотал головой, глядя куда-то мимо, словно потеряв интерес к разговору.

– Готическое направление в рок-музыке существовало давно, – нехотя сказал солист. – Просто в прежние времена она была, скажем так, под негласным запретом, что тем не менее не мешало ей развиваться, существовать, генерировать новые течения. Что касается чуждости этого явления... Наверное, вы не помните, но раньше, еще во времена немого кино, готические ужастики пользовались невероятной популярностью и у русских людей. Потустороннее всегда казалось притягательным. Если покопаться в истории литературы, то в ней хватает русской и даже советской готики. Вопрос только: под каким углом на нее смотреть?

– Например? – поинтересовалась Вера. Разговор начинал ей нравиться. Она внезапно почувствовала, что этот еще, в сущности, мальчик не так глуп, как показалось поначалу. Приятно сознавать, что в таком штучном экземпляре помимо внешней картинки имеется еще и мозг.

– Например, Гоголь. Что такое его произведения, как не готика? Скажем, «Страшная месть». Здесь присутствуют все

ее элементы: колдовство, кровь, мрачные тайны, убийства, кровосмешение. Дело в том, что при соцреализме, если бы кто снял этот фильм, по пшеничным полям скакали бы наряженные в разноцветные сарафаны панночки в кокошниках. А у Тима Бертон бы получилось нечто совершенно иное...

– То есть дело только в запретах? – предположила Вера. Гитарист, с интересом прислушивающийся к их разговору, налил в рюмку водки и подвинул ее собеседнице. Она храбро выпила, задышала и быстро набила рот перчеными чипсами.

– Разумеется, – кивнул солист. – Готику запрещали, но она все равно росла, как сорняки, поскольку почва для ее существования никуда не исчезала. Сейчас, когда запретов нет, готика стала понятнее, доступнее. Это самостоятельная субкультура со множеством ответвлений.

Вера закивала и снова выпила.

– Но, наверное, у вас все равно хватает сложностей в реализации вашего творчества?

– Конечно, – согласился он. – И это как раз из-за нашей дикости. Готическая музыка не предполагает ее употребление... под водочку, как другой русский рок. Это слишком глубоко, слишком мелодично, слишком сложно для восприятия. Вы можете себе представить эту музыку в сочетании с водкой и огурцом?

– Нет, – сказала Вера и снова выпила.

– А какая песня из репертуара отечественных рок-групп у вас ассоциируется с водкой?

Вера немного подумала и с благодарностью посмотрела на гитариста, подлившего в ее рюмку.

– «Осень», пожалуй. Шевчука. Стойкая ассоциация с застольем.

– А почему?

Она снова выпила, залпом, не по-женски, запрокинув рюмку в рот, не сгибая запястья. В голове уже приятно шумело. Вера то и дело теряла нить разговора, отвлекаясь на шум вокруг. И только эти черные глаза не отпускали, тащили к себе арканом.

– Наверное, потому, что ее легко спеть в караоке, – ответила она, чувствуя, что язык слегка заплетается. – Простите, я не расслышала, как вас зовут.

– Дмитрий.

– Какое красивое имя, – обрадовалась она. – А я – Вера. Дима, а расскажите немного о себе...

Он начал рассказывать, нудно, неинтересно. Женщина кивала, почти не слушая, и, завладев бутылкой, подливала водку и себе, и Диме, висла у него на плече и жарко убеждала, что для статьи ей нужны снимки, а здесь слишком темно. Да и вся аппаратура дома.

В такси его затащить удалось исключительно силой. Приняв на грудь, она становилась невероятно отважной, отчего вся операция не заняла много времени. В машине Дима тискал Верины бока, целовал в шею и, кажется, не слишком соображал, что делает, а она хохотала под неодобритель-

ным взглядом пожилого таксиста, хлопала парня по длинным пальцам, чувствуя, как внутри уже не просто тепло – горячо, а колени трясутся в предвкушении сладкого.

В квартире она скинула свитер и джинсы, неумело разделала его и в тот момент, когда стягивала с безвольной тушки трусы, услышала молодецкий храп. Минут десять пыталась его реанимировать, но потом сдалась, рухнула рядом и, прижавшись к его горячему животу, уснула почти счастливой, не думая, что утром несостоявшийся любовник даст деру.

Отфутболив последнего посетителя, пытающегося упрямить вести его заведомо проигрышное дело, Сергей минут пятнадцать просматривал оставленные бумаги, лениво размышляя, что было бы неплохо послать дела к черту и поехать в ресторан.

Настроение было так себе.

Дома Ирина хранила ледяное молчание, в разговоры не вступала, шарахаясь от него, как от зачумленного. И если поначалу он хорохорился и пытался держать лицо, то спустя три или четыре дня грозовая атмосфера в квартире стала тяготить его. Жена оказалась несговорчивой и куда более искусной в ведении холодной войны, нежели он, привыкший договариваться полюбовно. Супруг не хотел признаваться, что ему недостает ее присутствия, неспешных разговоров и ненавязчивой заботы, такой незаметной на первый взгляд.

За окном вечерело. Сергей снова подумал о ресторане, по-

тому что на горячий ужин дома рассчитывать было глупо. Вот только ехать куда-то не хотелось.

Дверь открылась. Он поднял глаза и поморщился.

– Добрый вечер, Сергей Васильевич, – произнесла Наталья томным голосом.

– Чего тебе? – спросил он недовольно.

Она пошла к столу, отчаянно виляя бедрами, уселась на стул и закинула ногу на ногу. Юбка поползла вверх, обнажив колено.

– Мне срочно нужна помощь грамотного юриста, – сказала женщина и картинно облизнула губы. – Говорят, вы классный специалист?

– Это ты меня так соблазнить пытаешься?

– А что, не нравится?

– Фу.

Он встал из-за стола, сунул руки в карманы и отошел к окну, отвернувшись от посетительницы. Наталья усмехнулась и подошла ближе, обхватив его руками.

– Что ты делаешь? – грубо спросил Сергей.

– А что, непонятно?

Она проворно шарила руками под его пиджаком, нащупала ремень и принялась дергать его в сторону, после чего потянула вниз молнию на брюках. Сергей схватил ее за руки, словно стараясь остановить, но выглядело это крайне неубедительно, и она, обрадованная, начала шуровать руками все быстрее, нащупывая слабое место, увеличивающееся и твер-

девшее с каждой секундой.

– Прекрати, – приглушенно взвыл он.

– А то – что?

– Прекрати. Вдруг кто войдет...

– Я заперла дверь, – похвасталась Наталья. Сергей повернулся и пару мгновений смотрел ей в глаза, а потом ухмыльнулся, но как-то невесело.

– Предусмотрительная ты моя.

Она наконец-то сдернула с него штаны, следом трусы и, пообещав блаженство блудливым взглядом, медленно опустилась на колени, скользя руками по его груди и животу. Он не стал долго сопротивляться и, судорожно выдохнув, сунул свое вздымающееся достоинство в готовый к ласкам рот.

Несколько минут в комнате было слышно только прерывистое сопение.

Наталья оторвалась от своего занятия задолго до кульминации, зная, когда та наступает, смела со стола канцелярские принадлежности и сказала:

– Ну, давай, трахни меня.

– Что, прямо на столе? – изумился тот, но глаза застилала знакомая маслянистая пленка желания. Она стянула юбку и колготки, швырнула одежду на пол и, ухватив Сергея за галстук, потащила к себе, впиваясь в губы поцелуем, который сама оценила как невероятно страстный. Он моментально сунул язык ей в рот, а руками вцепился в бедра, прижимаясь теснее, а потом входя уверенными, грубыми рывка-

ми, не приносившими ей особого удовольствия. Стол отчаянно скрипел, любовник покряхтывал, а Наталья постанывала, удовлетворенно отмечая, что в приемной наверняка все слышно.

Оттого, что происходило все едва ли не в общественном месте, секс получился экстремальным, но в плане удовольствия так себе, на троечку.

– Что это тебе в голову вдруг взбрело? – спросил Сергей, переводя дыхание.

– Захотелось, – пояснила она и оттолкнула его. – Слезь с меня, я оденусь.

– Захотелось? И все?

– А что такого? Или ты считаешь, что хочется только мужикам? Тебе не приходило в голову, что все не так?

Он топтался на месте в спущенных штанах, как стреноженный конь, а потом стал натягивать их, поглядывая на го-
стью.

– Ты решила оставить все как есть?

Она откинула голову в светлых кудряшках назад и неестественно рассмеялась, неумело копируя Мэрилин Монро.

– Я решила дать тебе еще один шанс подумать. Таких, как я, не бросают. Запомни это, когда снова почувствуешь себя альфа-самцом.

– Где ты набралась этой пошлости? – поморщился он. – Говоришь как третьесортная актриска из пошлого сериала. Фу.

Женщина мгновенно вскипела.

– Это я – фу?

– Это твои реплики – фу. Наташ, я же тебе сказал: ты меня вполне устраиваешь в качестве любовницы. И даже твой визит сюда я способен оценить, хотя, кажется, просил не делать ничего такого на людях.

– Со мной что, и на людях стыдно показаться? – вспыхнула она, торопливо одеваясь. Сергей вздохнул.

– Наташ, я женатый человек.

– И что?

– И то. Я не буду разводиться и не хочу, чтобы ты компрометировала меня перед коллегами. Они знают меня, знают Иру. Пойдут сплетни, а мне это ни к чему.

– То есть ты любишь не меня, а ее?

– Я никогда не говорил, что люблю тебя.

Она повернула ключ в двери и взялась за ручку.

– Пару минут назад ты о ней не вспоминал, – хмыкнула Наталья и вышла с гордо поднятой головой.

Жить вместе и делать вид, что ничего не произошло, не получалось.

Сергей всю неделю хотел поговорить, появляясь в дверях комнаты сперва с виноватым видом, потом – с раздраженным. Однако Ирина отвергала вялые попытки наладить мир. Каждый раз, стоило ей наткнуться на лицо мужа, в нос била удушливая волна сладкого запаха, а в висок вонзалось невы-

носимо жгучее копьё боли. Потому каждый раз она уклонялась от разговора по душам, запиралась в спальне и, забравшись под одеяло прямо в одежде, ждала, пока нагреется пустая постель, чтобы потом раздеться и заснуть, наглотавшись «ново-пассита».

К следующим выходным, когда в центре творчества починили трубы, муж решил собрать вещи и съехать.

– Я думаю, так будет лучше, – хмуро сказал он, утаптывая вещи в чемодан. Ирина наблюдала вполглаза, отметив про себя, что вещи потом будут мятыми, но вмешиваться в процесс не стала. – Поживу у родителей. Глядишь, ты остынешь и перестанешь вот это...

Он неопределенно покрутил рукой в воздухе.

– Что – это? – вяло поинтересовалась Ирина.

– Это.

– Может, конкретизируешь, что я должна «перестать»?

Супруг отодвинул чемодан, сел на кровать и поморщился.

– Делать вид, что тебе не все равно, – с ядовитой горечью произнес он. – Или ты полагаешь, мне не надоела эта холодная война? Думаешь, приятно приходить домой и видеть твое лицо, сидеть за столом напротив и думать: «Сейчас она мне вилку в руку воткнет».

– Раньше надо было думать, – безразлично ответила она.

– Я и раньше думал. А ты обо мне думала? Хотела что-то изменить? Чувствовала, что мы живем уже... по инерции?

Ирина не стала отвечать, ушла на кухню, сварила кофе

и, пока Сергей бегал по квартире, собирая барахло в одну кучу, забралась с ногами на подоконник, сдвинув горшки с цветами, и устояла на улице.

Всю неделю они избегали смотреть друг на друга, спали порознь и даже по утрам, одновременно выходя из дома, спускались по лестнице порознь, выжидая, кто первым выйдет из дверей. Шалава соседка, изредка попадаясь во дворе, шарахалась к стенке, увидев ее, а на Сергея смотрела зло. Видимо, там тоже все пошло не гладко, но Ирина не спрашивала, хотя ловила себя на том, что тайком обнюхивает его одежду.

Сладкими духами больше не пахло. Одежда источала привычный аромат «Фаренгейта» и крепких сигарет. Даже странно.

За окном все так же гонялись друг за другом машины, бежали под дождем люди – словом, ничего интересного. Ирина перевела взгляд на цветы и зачем-то потрогала плотный лист фикуса, который вроде как надумал желтеть. Кавардак мыслей никак не устаканивался, и она не могла понять, что чувствует, кроме злости и обиды.

Муж ввалился в кухню, пошарил на полках и, поглядывая на нее, заглянул в турку и нацедил себе полчашки кофе, которую выпил стоя, не поворачиваясь к окну. В кухне моментально повисла атмосфера напряжения и враждебности. Супруга молчала, медленно прихлебывала кофе из кружки, словно смаковала, хотя тот остыл и был невкусным.

– Я договорился в автосервисе, – негромко сказал он. – Машину можешь забрать послезавтра.

– Хорошо.

– Может, тебе денег оставить?

– Оставь себе. Или...

Хотела сказать: «или этой», а еще добавить «своей курортной», как в старой комедии, но это было бы полным выпадением из образа – и промолчала. Муж тем не менее все понял. Уголки его губ дрогнули. Он потоптался на месте, со вздохом поставил чашку на стол и пошел к выходу.

– Почему ты думаешь, что мне все равно? – спросила Ирина. Сергей остановился на миг, пожал плечами.

– По-моему, тебе давно все равно, как я живу, с кем сплю и что происходит в моей жизни за пределами квартиры. А еще думаю, тебе всегда было на это наплевать.

Ирина предпочла не отвечать. Да и что тут скажешь? Муж знал ее слишком хорошо, чтобы ошибиться, и сейчас, держась с оскорбленным видом, она понимала уголком сознания, что он прав... Но не двинулась с места, глядя, как тот пытит, таща к двери набитый чемодан.

– Знаешь, – сказал Сергей, стоя в дверях, – в разрыве всегда виноваты двое. Так что подумай над этим.

– Непременно, – процедила она сквозь зубы. Он помолчал, а потом, бросив небрежное «пока», закрыл за собой дверь. Тихо, не хлопнул, надо признать. Интеллигентный уход интеллигентного мужчины. Мечта.

Что ж так тошно-то?

Ирина сварила себе еще одну чашку кофе, от которого уже горело в животе, нашла пульт от музыкального центра и бес-толково потыкала в кнопки, выбрав нужную композицию. Ей не хотелось слушать ничего серьезного: ни Моцарта, ни Баха, ни Чайковского – слишком сильных для ее оголенных нер-вов. Классика заставила бы ее страдать, а этого не хотелось, хотя для веселья не было повода.

Can't ever keep from falling apart
At the seams
Cannot believe you're taking my heart
To pieces

Так и не научилась не расходиться
По швам... Не могу поверить, что ты разбиваешь
Мое сердце на части...

Duran Duran «Come Undone»

И когда из динамиков ударил старый хит, женщина не вы-держала и расплакалась, чувствуя, как треснула заledenев-шая душа.

О том, насколько быстро распространяются слухи, Ири-на не имела ни малейшего представления. Сама она ничьей жизнью не интересовалась и услышанное не комментирова-ла и уж тем более не пересказывала. Прожив в доме после

замужества больше десяти лет, она до сих пор не знала, чем живут соседи, не помнила, как зовут их детей, и не замечала, когда кто-то покупал новую машину, пока та не громоздилась перед воротами, нахально перегораживая выезд. Разумеется, она слышала о похождениях шалавы Наташки, периодически обозревала ее новых кавалеров, здоровалась с соседями по лестничной клетке и не давала в долг пацанам из десятой квартиры, потому что те не отдавали. Однако все это задевало ее лишь краешком. Личная жизнь окружающих Ирину интересовала так же, как вероятность жизни на Марсе, то есть относительно. И до ухода мужа ей казалось, что и ее семья интересуется соседей постольку-поскольку.

Оказалось, что она глубоко заблуждалась. Служба внешней разведки в доме была поставлена на высшем уровне. Точно так же, как система оповещения.

Муж ушел в субботу, выволок чемодан во двор, затолкал его в багажник и уехал. Ирина наблюдала за этим из окна. Во дворе не было ни души. Бог его знает, кто еще пиялился на это из окон. Не то действо, чтобы вызвать интерес.

В воскресенье, поприветствовав себя очередным «гутен моргеном», Ирина на цыпочках спускалась по лестнице, надеясь проскочить мимо дверей Стеши. Попытка вновь не увенчалась успехом. Сделав шаг с площадки на ступеньку, Ирина услышала, как скрипнула приоткрываемая дверь.

На этот раз старуха расширила свое выступление, проскрипев ядовитым голосом:

– Прос-с-с-титутка! Теперь вольно гулять будешь?

Ирина запнулась. Ей казалось, что соседи со Стешей не общаются, а окна ее выходят на другую сторону, так что видеть отъезд мужа она не могла. На улице торчала? Сбившись с шага, Ирина тем не менее спустилась вниз. Голос нарастал с каждой ступенькой вниз:

– Ш-ш-шалава! Устроит из дома...

Что конкретно «устроит», Ирина уже не расслышала, выйдя на улицу. Во дворе было тихо и пустынно. Она расстроилась, что машину можно будет забрать только завтра. Водила женщина не то чтобы отлично, оттого за рулем была сосредоточенна и даже музыку включала исключительно легкомысленную, чтобы не вслушиваться, не сосредотачиваться на деталях и плывущей мелодии.

Грязь за ночь подмерзла. Направляясь к калитке, Ирина пожалела, что снова придется идти на остановку по обледенелому асфальту.

Хорошо бы в машину! Там тепло, на зеркальце болтается «елочка», мотор урчит сытым котом. И в холодные дни все это навевало ассоциации с новогодними праздниками.

Ей внезапно захотелось Нового года, с его неизменными атрибутами: с елкой до потолка, искрящимся шампанским в хрустале, жареными курами, с которых муж всегда объедал корочку, потому что ей нельзя, потом танцами веселых от водки друзей. А утром, часов в восемь, они будут выпроваживать гостей, маясь с перепоя, с первой утренней сигаретой

в руке, улыбаться резиновыми улыбками, чтобы потом, как только закроется дверь, рухнуть в постель и проспять до вечера.

Ирина вспомнила, что муж ушел и никакого Нового года не будет, отчего моментально стало мерзко и гадко. Дождаась троллейбуса, она даже топнула ногой от раздражения, надеясь, что поможет. Не помогло.

Троллейбус был тот же самый, и кондукторша та же, укутанная в шерстяную кофту с высоким воротом. И даже вагата ребятишек, торопящихся в кино, похожа. Расплачиваясь за проезд, Ирина окинула салон взглядом. Парня с лицом испанского мачо не было. И это почему-то расстроило ее до такой степени, что, придя на работу, она первым делом бросилась к чайнику, выпив чашку чая с неположенной конфеткой.

В дальнейшем день был как день. Учительница отстраненно наблюдала за десятком девочек, отрабатывающих у станка первую позицию и синхронно поднимающих хиленькие ручки, изредка делала замечания, почти бездумно, заметив неточность. Их сосредоточенные личики, отражающиеся в зеркалах, казались невероятно взрослыми.

В соседнем зале народ топотал. Музыка слышно почти не было, а вот топот – отлично. Видимо, осваивали пасадобль. Когда ее группа закончила занятия, а за стеной стихли половецкие пляски, Ирина включила чайник, ожидая, что сейчас явится Влад.

Он явился, держа в руках кружку с болтавшейся из нее ниточкой «липтона», неразборчиво буркнул «привет» и, старательно отворачиваясь, сел у окошка, повернув лицо так, чтобы Ирина могла видеть его лишь в профиль.

– Чего морду отворачиваешь? – поинтересовалась она. Тот вздохнул, а затем, демонстративно выдержав паузу, повернул к ней лицо. Ирина присвистнула:

– Ого!

– «Ого», – передразнил тот и, морщась, потрогал тщательно замазанные тональным кремом царапины на щеке. – Это не ого, это о-го-го. Пипец! Сегодня каждый посчитал своим долгом подойти и поинтересоваться, с кем это я так ожесточенно бился.

– Сказал бы – асфальтовая болезнь, – усмехнулась Ирина.

– Ой, ой, ой, какие мы умные! А то не видно, что это от пальцев...

– Кто ж тебя так, болезного?

– Илька, кто ж еще. Я вот не пойму, весь из себя такой brutal – куда податься! – а как до драки доходит, вместо того чтоб по-мужски зарядить в дыню, он начинает царапаться, как баба. Где логика?

Влад накидал в кружку рафинада, выдавил дольку лимона и яростно перемешал. Ирина снисходительно ждала продолжения, но поскольку его не последовало, спросила сама:

– А повод?

– Ай, да без повода... Ну, подумаешь, я слегка позажи-

мался с тем мясным мальчиком из стриптиза, делов-то. Мы ж не трахались и даже не целовались: так, потискали друг друга, исключительно из эстетизму.

– Ну вот, – удовлетворенно отметила Ирина, но собеседник отмахнулся.

– Что – вот? Много ты понимаешь! Там такое роскошное тело, грех не потискать. Ты бы тоже не устояла, если б пришла посмотреть. Чего, кстати, не пришла-то?

– Настроения не было.

– Ну, а у меня вот было... И надо же было так спалиться! Илька увидел, начал орать, потом дома еще разборки, ну и в результате вот это... Пипец!

Он вновь потрогал царапины.

– Боге-ема, – с неодобрением сказала Ирина, с трудом подавляя ухмылку. – Больно он у тебя легковозбудимый. Это уже третья стычка за месяц, если не ошибаюсь.

– Четвертая.

– Тем более. Ему бы отвлечься на что-то, ну, телевизор посмотреть или почитать, например.

– Что ты, он в последний раз читал, когда к нему брат с Воркуты приезжал и наколки показывал!

Влад допил чай, выловил пальцами лимон и съел. Слушать его рассказы было не слишком интересно, однако они отвлекали от насущных проблем, а бездумный треп заполнял образовавшуюся вокруг пустоту.

– Самое неприятное, что он вещи собрал, – мрачно со-

общил собеседник. – Съехал и теперь бог знает где живет, с кем спит. И что характерно, я не стал валяться в ногах и умолять простить, и все такое. Надоело. Так что я теперь в девушках. И вроде все правильно, и я весь из себя такой гордый и непреклонный, и он непременно вернется... Отчего ж так тоскливо-то? Я ведь все правильно рассчитал.

Ирина не ответила и с захватившим ее интересом стала разглядывать коричневую лужицу на дне чашки. Ей тоже казалось, что она все правильно рассчитывала, а что вышло в итоге? Пипец. Причем полный.

На открытую фрамугу села синица, еще чистенькая, желтая, как лимон, с чернильной полосой на груди, посмотрела внутрь и постучала клювом по раме: то ли внутрь просилась, то ли выковыривала спрятавшуюся личинку.

«Хорошо тебе, – подумала Ирина. – Поела – и довольна. Это же такое счастье, когда нет мозгов и не нужно страдать, думать, правильно ли ты поступила, маяться от мыслей, как дальше жить».

– Надо встряхнуться, – с фальшивой бодростью произнес Влад. – Слушай, а пойдем сегодня в загул? Это лучшее средство от разбитого сердца, ты-то меня понимаешь.

– С чего бы я тебя понимала? – удивилась Ирина. Он склонил голову набок, став похожим на попугая, и небрежно заявил:

– Ну, вообще-то говорят, от тебя муж ушел.

Наталья шла по улице и чувствовала себя отлично, хотя предстоящая встреча ее слегка пугала. На улице подморозило, и листья, желтые, уныло обвисшие, падали вниз, умирая на тротуаре, как в какой-то песне. Дворники в оранжевых жилетах сметали их в сторону, но те снова падали. И так без конца.

Наталье было весело до злости.

Сегодня она наряжалась с особым старанием, красилась, завивала кудри, отчего стала похожей на Мэрилин Монро, и даже родинку пририсовала, чтобы увеличить сходство. Жаль только, что лето кончилось и в воздушном белом платье не очень-то пройдешься.

Она вытащила из гардероба мохнатую белую шубку, хотя таскаться в ней по улицам было тоже нелепо, но, накинув на плечи и покрутившись перед зеркалом, решила: сойдет. А выйдя из дома, поняла, что не прогадала. Мужчины оборачивались вслед, кто-то даже присвистнул. Наталья радостно улыбнулась и отчаянно завиляла бедрами, как Монро, опаздывающая на гастрольный паровоз.

Чувствовать себя красивой и загадочной было очень приятно.

Она была уверена, что все пройдет без сучка без задоринки. План был прост и убийственен: прийти, ослепить, покорить. И никуда Сережа не денется. В конце концов, съехал же он от своей костлявой мымры. Сама видела, как утаптывал чемодан в багажник. Ей еще тогда хотелось подойти и

сказать доброе слово...

Нет, не так.

Хотелось броситься на шею, осыпать лицо поцелуями. И пусть бы мымра смотрела из окна, как он увозит ее в светлое будущее. И пусть они не слишком красиво расстались, тот факт, что он не побежал за женой, а оставался в ее, Наташиных, объятиях, пока не кончил, уже о многом говорит.

Пока она сомневалась, Сергей утоптал чемодан и уехал. За неделю не позвонил ни разу и домой не являлся. Худосочная мымра ходила с вытянутым лицом и смотрела злобной крысой. Такие глаза у всех брошенок, Наташа сама наблюдала.

Выследить его не составило никакого труда: он съехал в родительский дом, бросал во дворе машину. Наташе позволили знакомые уже через два дня и мимоходом сообщили, куда пропал любимый. Прождав неделю, она решила действовать, нарисовав в голове умопомрачительную картину воссоединения в духе современных мыльных опер.

Добравшись до дверей его квартиры, женщина несколько раз выдохнула, словно собираясь прыгнуть в воду, и, призывно улыбнувшись, нажала на кнопку звонка. Дверь открылась почти мгновенно.

– Вы кто?

То, что ее может встретить не Сергей, а его мама, Наталья как-то не предусмотрела. Улыбка на лице сменилась с победоносно-завоевательной на жалкую и беспомощную.

– Здрасьте, – проблеяла она. – А мне бы... Сережу.

– Здрасьте, – холодно сказала родительница. – А вы кто?

– Мама, кто там? – прогудело из комнаты. Гостья приободрилась и крикнула в узкую дверную щель, из которой торчал любопытный нос мамыши:

– Сереженька, это я.

– Сереженька? – закудаhtала мамаша. – Сереженька? Какой он вам Сереженька?

– Мама, кто пришел?

– Никто, – ответила та и моментально захлопнула дверь. Наталья отпрянула от неожиданности и тупо уставилась на стальной лист, оберегающий Сергея от ее посягательств. Рассвирепев, снова нажала на кнопку звонка.

– Я щас милицию вызову, хулиганка, – пробубнила мамаша из спасительной норы. Потом за дверью кто-то завожился, словно медведь в берлоге, сдавленно крикнул, и наконец дверь открылась. Сергей, в халате и тапках, высунулся на лестницу и, увидев, кто пришел, поморщился.

– А, это ты, – сказал он. Голос прозвучал безрадостно.

– Я, – сказала она, ослепительно улыбнулась и двинулась к нему, намереваясь войти. Однако любимый почему-то не пригласил ее проследовать в семейное гнездо.

– Подожди внизу, я сейчас выйду, – сказал он и нырнул в квартиру, захлопнув дверь. Наталья вздрогнула и еще долго стояла, удерживая на лице ненужную улыбку.

Того, что общество, как оказалось, сутки напролет обсуждало ее разрыв с мужем, Ирина не знала. Ей даже в голову не приходило, насколько заметную роль она играет в городе. Совсем как Алла Пугачева и Филипп Киркоров. Или Максим Галкин. Или кто там еще у Примадонны на очереди.

Она долго возмущалась и пыталась Влада, кто ему рассказал об уходе Сергея. Тот вращал влажными глазами, морщился и порывался сбежать, но она не дала шанса, после чего тот нехотя признался, что разболтала знакомая, живущая с Ириной в одном доме.

– Это кто ж такая будет? – грозно осведомилась Ирина.

– Ну... Филиппова Татьяна. Знаешь ее?

– Нет.

– О господи, – закатил глаза Влад. – Ну кто бы сомневался. Она у тебя за стенкой живет, в соседнем подъезде.

– Очаровательно. А ты здесь каким боком? Почему эта самая Филиппова бежит к тебе с новостями?

– Она не ко мне бежит, а к моей маменьке, – обиделся Влад. – Стану я общаться со старыми крокодилами... Был вчера на семейном обеде, там Татьяна и рассказала, что от тебя ушел муж. Она же знает, что мы вместе работаем.

– Санта-Барбара какая-то, – возмутилась Ирина, отказываясь отвечать на дальнейшие расспросы. Однако даже тогда не понимала, что все это лишь цветочки. Настоящую бурю придется пережить дома, когда она, блаженствуя, вылезет из ванны и устроится на диване.

Дома дали отопление, правда, всего по одному стояку, однако атмосфера уже изменилась, и, вернувшись домой, Ирина обнаружила, что не мерзнет. Пощупав батареи, она отметила, что в гостиной отопление есть, а в кухне и спальне – нет, но это было уже не столь важно. Значит, завтра-послезавтра, когда спустят застоявшийся воздух, потеплеет и в других комнатах. Изменившаяся к лучшему атмосфера настроила ее на благодушный лад, оттого к новому шквалу она оказалась совершенно не готова.

Звонок в дверь оторвал ее от просмотра новостей. Путаясь в полах махрового халата, Ирина пошла к дверям.

Ей казалось, что вернулся муж, свой, понятный, с виноватым лицом, без которого дом, как ни крути, стал пустым. Она, разумеется, будет держать спину ровно, следить за модуляциями в голосе и чтобы на лице не появилось никакого удовлетворения, а потом, возможно, простит. Оттого открыла дверь без глупых вопросов, не подумав, что у мужа есть ключи.

Там стояла мать. Только этого не хватало!

– Привет, – буркнула Ирина и посторонилась, пропуская родительницу внутрь. Та окинула дочь изучающим взглядом, покачала головой и вошла, словно королева, соизволившая посетить рыбацкую хижину. Снизойшла, прости господи!

– Здравствуй, – произнесла она таким тоном, что Ирина сразу почувствовала себя виноватой, торопливо забежала по прихожей в поисках тапок и даже на кухню бросилась про-

верить, закрыто ли окно. Не дай бог маменьку продует, тогда хлопот не оберешься.

Алла Сергеевна на дочь смотрела снисходительно. Ничего-ничего, пусть побегает, посуется, пряча виноватый взгляд. Проще будет разговаривать. Она скинула пальто и подошла к зеркалу, критически осмотрев себя со стороны.

Хороша.

Лицо, конечно, не девочки. И уже почти не женщины. Когда тебе около шестидесяти, на тридцать выглядеть тяжело, особенно если ты решила стареть достойно, не прибегая к гнусной пластике, не подтягивая кожу и не вкачивая в губы силикон, после чего те кажутся надутыми, как резиновая лодка. У глаз – сетка морщин, и носогубные складки слишком резко обрисовались в полумраке прихожей, но со спины ее все еще принимали за девушку. Буквально вчера какой-то прохожий долго шел по пятам, а потом окликнул и ойкнул, увидев вместо молоденькой нимфетки бабушку. Ей бы засмеяться, а стало грустно и жалко прошедшей молодости. А тут еще дочь начала выкидывать коленца...

– Чай будешь? – блеющим голосом осведомилось провинившееся чадо.

– Лучше кофе сварь, – строго сказала Алла.

– Кофе тебе вредно.

– Я без тебя знаю, что мне вредно, а что нет, – отчеканила та и пошла на кухню. Ирина пожалала плечами, достала из шкафа турку и, налив в нее воды, потянулась за банкой с ко-

фе.

– Леля позвонила с утра, – проинформировала мать, усаживаясь на стул. – Сказала страшную новость: ты выгнала Сережу из дома.

Ирина вздохнула.

Лелей, точнее Ольгой, звали свекровь, но мать в разговорах всегда называла ее исключительно Лелей, что ту невероятно раздражало. Матери было наплевать, поскольку, по ее мнению, на Ольгу та не тянула, а гнусное слово «сватья» произносить отказывалась в принципе.

– Никто его не выгонял, – буркнула Ирина. – Он сам ушел.

– Леля утверждает обратное. А еще сказала, что хорошие жены мужей не выгоняют, ты представляешь?

Интонация матери несколько сменилась. Дочь искоса наблюдала за ней, пока еще не понимая, на чьей та стороне.

– А Леля не проинформировала, почему я, по ее мнению, выгнала такого отличного мужа, как Сергей?

– Нет, но думаю, ты расскажешь, – спокойно ответила Алла, смерив ее очередным снисходительным взглядом.

– Мам, я не хочу об этом говорить.

– Чего вдруг?

– Ничего. Мою личную жизнь обсуждают все кому не лень, и это уже бесит, – раздраженно сказала Ирина, сняла с плиты закипевший кофе и разлила его по крошечным, с наперсток, чашкам. Получив свою порцию, Алла с любопытством уставилась на дочь.

– Кто это обсуждает твою жизнь?

– Да все подряд. На работе, во дворе. Стеша ежедневно шипит из-за дверей, что я проститутка.

Алла аккуратно отхлебнула кофе.

– Надо же, – усмехнулась она. – Эта старая курва еще жива?

– Жива и прекрасно себя чувствует, к сожалению, – зло сказала Ирина, уселась на стул и мечтательно добавила: – Когда-нибудь она выбесит меня настолько, что я ее придушу.

– Это правильно, – кивнула Алла и улыбнулась, обнажив мелкие зубы. – Не сдерживай себя в следующий раз.

Простонародное «не сдерживай» с королевским обликом матери никак не вязалось. Ирина с сомнением посмотрела на нее и, решив, что та все-таки на ее стороне, нехотя рассказала о том, как застала Сергея с шлюхой Наташкой. Спустя неделю обида ничуть не стала слабее, продолжая клочкотать вулканической лавой. Чувствуя, как дрожит голос, она запила ком в горле кофе и торопливо встала сварить еще порцию.

Алла барабанила пальцами по столу, вздыхала, мялась и все смотрела внутрь чашки, словно раздумывая, не погадать ли на кофейной гуще, а потом резко встала, открыла шкафчик и, почти не глядя, вытащила из него пачку тонких сигарет, которую Ирина прятала на черный день. Та глядела на мать во все глаза.

– Я их на это же место прятала, – невесело усмехнулась Алла. – Помнишь, наверное? Еще до того, как переехать.

– Помню. Это привычки или генетика, как думаешь?

Алла нервно пожала плечами, закурила и небрежно сунула сигареты и зажигалку Ирине. Та тоже закурила, выдохнула в воздух сизый дым и, поискав пепельницу, поставила ее на стол.

– Что думаешь делать? – тусклым голосом спросила мать. – Если придет – простишь?

Ирина не ответила, пожала плечами, точь-в-точь как мать, и отошла к окошку.

– Не знаю. Я ведь никогда с таким не сталкивалась, не думала даже. А оно вон как... Лежишь ночью, смотришь в потолок, а у самой в голове как шестеренки тикают: за что, за что? Кого винить? То ли его, то ли себя, то ли еще кого?

Алла помолчала. Ее сигарета светилась злым красным огнем, стоило сделать вдох.

– Не знаю, что тебе сказать, – призналась она. – Измена – такое дело, к которому никогда не бываешь готов. Как война, например, или смерть, или болезнь неизлечимая. Живешь себе, а тут – бац, как сосулькой по лбу. И никакого рецепта, как дальше жить: то ли простить, то ли выгнать, то ли еще что...

В голосе стальной и непоколебимой матери вдруг прорезались незнакомые нотки. Ирина впиалась в лицо Аллы со смутным подозрением.

– Так говоришь, будто это тебе не в диковинку, – сказала она. Мать криво усмехнулась и затушила окурок в пепель-

нице.

– Давно живу, много знаю, – загадочно изрекла Алла. – Мужики по своей сути одинаковы, не важно, из какой семьи, как воспитаны и какой статус в обществе занимают. Вон, даже у Ленина была своя обоже. Только при всей красе мадам Арманд он так и не решился оставить Крупскую. Знаешь почему?

– Почему?

– Народ бы не понял. И не простил. Наденька Крупская была своя, революционная героиня, которая с ним и в ссылки, и на баррикады, и в Кремль. А кто такая Инесса Арманд? Обычная телка, которую, пardon за французский, можно было только трахать.

Ирина не выдержала и расхохоталась.

– Я правильно поняла, что под Крупской ты подразумеваешь меня?

– Ну, а кого еще? А всякие там Инессы или Наташки, – мать горько усмехнулась, – приходят и уходят. Фаворитки короля могут меняться сколько угодно, но королева всегда остается на своем месте.

Сергей вышел из дома через пару минут, наспех одетый, лохматый, и даже рубашка под курткой была застегнута криво. Наталья снисходительно улыбнулась и потянулась поправить ему волосы. Голову он отдернул и еще по сторонам покосился: не видит ли кто? Это ей не понравилось. В его ок-

не маячило бледное пятно человеческого лица. Видимо, матушка высматривала, куда направился сынок.

– Не устраивай тут сцен, – грубо сказал он и подтолкнул к машине. – Садись.

Она села, мгновенно надув губы. Но, кажется, любимый не обратил на это никакого внимания. Он так резко стартовал с места, что голуби, вальяжно расхаживавшие по двору, взметнулись в небо неуклюжей россыпью.

– А куда едем? – спросила Наталья тоненьким голосом. – Может, пообедаем в «Гансе»?

Туда ходила только приличная публика, поскольку цены были запредельными. Она это знала и страшно любила красоваться с новым ухажером именно там. Сергей, будучи женатым, в рестораны ее не водил, боялся наткнуться на знакомых, но теперь-то можно!

– Как ты меня нашла? – раздраженно спросил он, сунул в рот сигарету и начал шарить по приборной доске в поисках зажигалки.

– Захотела – нашла, – загадочно мурлыкнула та и полезла целоваться, чему страшно мешал рычаг переключения скоростей. Сергей грубо отпихнул ее. Она фыркнула и уселась на место, поправляя шарфик и искоса поглядывая на него.

– Ремень пристегни, – скомандовал он и добавил: – Зачем искала?

– Увидеть хотела. А что, нельзя?

В ресторан любимый ее не повез, направившись в сторо-

ну старого парка, где небеса подпирали особняки богатеев. Глядя на шикарные дома, Наталья вздохнула. Жить в этом престижном районе желали многие, но цены были нереально высоки. И без того строительство в парковой зоне осуществлялось путем разных махинаций, доступных лишь сильным мира сего. Простым смертным о таких домах приходилось только мечтать. Вокруг – вековые сосны, веселенький хоро-вод рябины, опоясывающий сторожевые башни из красного и желтого кирпича, чистый воздух и почти никакого транспорта, кроме своих.

Сергей загнал машину в какие-то мокрые кусты и заглушил мотор. Наталья хмыкнула, предвкушая, что сейчас начнется. Милого потянуло на сладкий экстрим? Да ради бога! Все же мужики – такие предсказуемые.

Он молчал. Наталья ерзала на сиденье, но поскольку Чернов так и не подумал приблизиться к ней, вновь полезла с объятиями, случайно выбила сигарету из его рта, и та покати-лась куда-то под сиденье. Он снова отпихнул ее к дверце.

– Ты что? – возмутилась она. – С ума сошел?

– Не лезь ко мне, – холодно сказал он, открыл дверцу и стал внимательно разглядывать салон. – Черт, ты мне обшив-ку прожгла!

– Тебе что, какая-то обшивка дороже меня? – взвизгнула Наталья, и в тишине салона это прозвучало как взрыв бом-бы. Поскольку Сергей так и не ответил, она на всякий случай всхлипнула и плаксиво продолжила: – Не звонишь, не захо-

дишь, я уже не знаю, что думать.

Прозвучало это так же фальшиво, как ее слезы, и она сама это поняла, как только мужчина повернулся и посмотрел с легкой насмешкой.

– Чего душой прикидываешься? Все ты понимаешь.

Наверное, надо было сказать что-то в духе любимых фильмов с Монро, с томными соблазнительными выдохами, изогнувшись так, чтобы была видна пикантно обнаженная грудь. Например: «Дорогой, но мы же столько были вместе!» Или: «Я не понимаю, может, я делаю что-то не так?» Или как-нибудь еще. Но все шаблоны почему-то вылетели из головы. И Наталья просто спросила:

– Ты что, меня бросаешь?

– Нет, – удивился Сергей. – Не бросаю, а уже бросил. По-моему, это сразу было ясно.

Она помолчала, а потом, ненавидя себя за тупость, спросила:

– Как это – бросил?

– Да вот так. Взял и бросил.

Его голос был равнодушным. Он вышел из машины, вынул новую сигарету, закурил и стал с преувеличенным вниманием рассматривать листву. Из глубины парка доносилась какая-то знакомая мелодия, но слов было не разобрать, а ноты похожи на десятки песен. Наталья немного посидела в машине, после чего тоже вышла и внимательно уставилась на его профиль. Сергей изо всех сил старался выглядеть над-

менным, что ему не шло и казалось нелепым, особенно в рубашке, застегнутой сикось-накось. Еще раздражало, что он со своими сигаретами забрался на крохотную выпуклость на асфальте, а она одной ногой стояла в яме. Мало того что смотрит на него снизу вверх, да еще и крайне неудобно.

– Я не поняла, – произнесла Наталья. – Ты что... ты решил... вообще?

– Вообще, – кивнул Сергей. – Так что, пожалуйста, больше не звони...

– Не понимаю, – прервала она дрожащим голосом. – Нам было так хорошо, и потом, ты же ушел от своей... балеруны...

Последнее слово выдохнула с презрением, почти выплюнула. Сергей покосился на Наталью с отвращением.

– Не трогала бы ты ее, – сказал он жестко. – Она сотню таких, как ты, стоит.

– Это каких?

План, тщательно взлелеянный, полетел ко всем чертям, но ей было наплевать. Она рассвирепела, почуяв насмешку, и приготовилась выцарапать ему глаза, если только даст повод. И он его незамедлительно дал.

– Таких, – сказал Сергей и начертил сигаретой неопределенную синусоиду перед ее фигурой. – Шалав, готовых на все с любим, у кого бабки есть...

Не дослушав, она вмазала ему оплеуху. Тот инстинктивно отстранился, но она все-таки попала кончиками пальцев.

Потеряв равновесие, он отчаянно замахал руками, но Наталья не дала ему возможности встать прямо и что было силы толкнула в грудь, да так, что он кубарем улетел в мокрую листву.

– Сволочь! – завизжала она и приготовилась ткнуть сапогом в живот. – Это я – шалава? Ненави...

В последний момент он дернул ее за ногу, и Наталья рухнула рядом, ткнувшись затылком о землю, мельком подумав, во что превратится ее белая шуба. С рябин на лицо летели тяжелые ледяные капли. Охая, она встала на четвереньки и обшарила окрестности расфокусированным взглядом.

Сергей садился в машину. Его спина была мокрой и грязной.

– Стой, сволочь, гад, паскуда! – заорала Наталья, поднимаясь на подкашивающихся ногах. Он не ответил. Из окна полетела ее сумочка и приземлилась в лужу. – Стой, Казанова толстопузый! Жиртрест! Гадина! Ненавижу! Не-на-ви-жу!!!

Машина рванула с места так, что из-под колес полетели черные комья грязи. Женщина разрыдалась, медленно пошла к дороге, выудила из лужи промокшую сумку и, всхлипывая, стала отряхивать покрытую грязью и прелой листвой шубу.

– Сво-о-олочь, – подвывала она. – Ну, погоди, га-а-адина, я тебе это припомню-ю! Ты у меня кровью умо-о-о-о-оешь-ся! И ты, и балерина твоя!

Ольга Чернова была прирожденной актрисой. Несмотря на то, что всю жизнь пришлось работать в совершенно другой отрасли и никто не подумал бы вручить ей «Нику», каннскую «Золотую ветвь» и уж тем более «Оскара», по своему уровню актерского мастерства она бы легко обставила многих современных звезд. Да и что сейчас за актеры? Вот раньше были мэтры! Монстры, способные одним взмахом ресниц, одним взглядом заставить зрителя смеяться и плакать. Глядя на их игру, публика верила: у них и правда любовь или ненависть. Этот актер и в жизни герой-любовник, благородный и честный, а эта актриса – нежная, ранимая, как первый подснежник. В то, что они всего лишь играли характеры своих персонажей, никто не верил.

Ольга Чернова всю жизнь играла сладкую идиотку, и делала это мастерски.

Роль не требовала больших душевных затрат, позволяя жесткой рукой контролировать семью, строить карьеру, убирая с пути неудобных. В городской администрации, где она трудилась на весьма высокой должности, ее считали недалекой исполнительницей, иной раз поражаясь, как эта женщина, не имея особых данных, сумела еще в советское время вскарабкаться на самый верх и остаться там неуязвимой для увольнений и интриг. Людей убирали, снимали с должностей за неблагоприятные поступки, ловили за руку на взятках. Чернова же упорно сидела в своем кресле, стабильная и уверен-

ная, как монолитная скала.

– Да что с нее взять? – говорили злопыхатели. – Она же дура непроходимая, начальству поддакивает да зад вылизывает. За это ее и терпят.

Ольга часто слышала эти разговоры, но никогда не позволяла себе открыто реагировать и выражать недовольство. Ее игра была куда тоньше.

Вскоре обидчики так или иначе слетали с пьедесталов и, выгребая из ящичков стола манатки, удивленно хлопали глазами, недоумевая, за что их уволили и кто донес начальству о неблагоприятных делах. Заподозрить в провокации тучную серую мышь Чернову никто не мог. Каждый раз, когда начальство озвучивало свое решение, она так убедительно ахала, заливалась слезами и хваталась за сердце, что порой эти же злопыхатели бросались утешать ее, подсовывали носовые платки и подавали воду.

Дома Ольга справлялась с ролью не в пример легче. Достаточно было пустить слезу, изобразить сердечный приступ, как муж и сын бросались исполнять ее волю. И много лет она беззастенчиво пользовалась их наивностью.

В последние годы система дала сбой. Уйдя на пенсию, Ольга подрастеряла навыки. Интриговать и подсиживать теперь было некого, а домашние уже не слишком верили в байку о слабом здоровье, особенно после хамоватого врача «Скорой», приехавшего вместо прикормленного друга семьи, посвященного в тайну.

– У вашей бабушки сердце как у космонавта, – грубо сказал он, сворачивая стетоскоп. – Пусть меньше волнуется и реже звонит по пустякам.

На «бабушку» Ольга обиделась и попробовала доказать врачу, что он не прав. Тот махнул рукой, как Гагарин, и канул в подъездную черную дыру, не обращая внимания на жалобы. А вот сын и муж этот визит, к несчастью, запомнили очень хорошо.

Сын потом отбился от рук, женившись без ее согласия. И хоть девочка была «взята» из приличной семьи, знакомой много лет, к невестке у Ольги душа не лежала. Все ей казалось, что эта суровая девочка с холодными серыми глазами ее не уважает, мужа держит в черном теле, не позволяя ничего кушать. Да и какая из нее жена, если она даже готовить не умела, на семейных праздниках не прикасалась к котлетам, одну траву жевала, как коза. Сереженька после женитьбы отощал и спал с лица.

Мамаша у невестки была ей под стать: сухая, непреклонная, язвительная, не упускавшая возможности поддеть сватью острым языком и упорно называвшая Ольгу Лелей – вульгарно, гадко отменяя все попытки возразить. Не женщина – ведьма.

За десять лет супружеской жизни сына мать так и не смогла принять невестку и ее семью. Привыкнуть смогла, принять – нет. Потому даже испытала тайное наслаждение, узнав, что сын ушел от жены.

А через неделю в дверь постучала другая и попросила позвать Сергея. Вон оно как!

Разумеется, в дом постороннюю бабу никто не пустил бы, но, невзирая на все предосторожности, удержать сына не получилось. Ольге до смерти хотелось услышать, о чем они говорят, но Сергей не дал такой возможности. Из окна она наблюдала, как он вместе с яркой блондинкой, размазанной, как проститутка, выезжает со двора, озираясь, словно преступник.

Упорядоченный мир внезапно закачался, кренясь вбок.

– Сережа, а кто это был? – спросила мать вечером, когда сын, мятый, пьяный, вернулся домой и уселся за стол, вяло ковыряя котлету.

– Кто? – спросил он. По его голосу Ольга поняла: он прекрасно понял, кого она имела в виду.

– Та женщина, что сегодня приходила.

– Да так, никто, – последовал ответ. – С работы... Там надо было документы забрать, а я... того, ключи с собой унес...

Ольга посмотрела на него добрыми глазами, а потом села напротив, налила себе чаю и, выдержав паузу, проникновенно заявила:

– Врешь ты все. Кто она такая?

– Не начинай!

– Я и не начинаю. Это случайно не соседка ваша? Вроде бы видала ее во дворе.

– Мам, отстань, а? Дай поесть спокойно...

Она помолчала, помешала ложечкой чай, а потом безразлично заявила:

– Ну, вообще я всегда была против твоего брака. Сам понимаешь, насколько вы разные люди. Никогда ее не любила, ты уж прости.

– Перестань.

– Нет, я все понимаю, – продолжила она, словно не услышав. – Первая любовь и всякое такое, но уж больно она женщина холодная. Вы уже десять лет женаты, а детей нет. Разве это нормально, когда жена вместо детей о своих фуэте думает? Потому и жизнь у вас... Не жизнь, а фуэта сплошная. А мы ведь не молодеем...

Сын молчал, перемалывая котлету челюстями. Из гостиной горланил телевизор, распевая дикость про чумачечую весну. Ольга перестала отвлекаться на посторонние звуки и вдохновенно продолжила:

– Я же как лучше хочу. Тебе бы женщину... земную, а, Сереж? Простую. Ну, не совсем от сохи, но понятную, как у всех. Чтобы дома борщи, а не трава в тарелочке, и на отдых к морю, и чтоб детки, ну, хоть один... А у Ирки твоей какие дети? У нее ни задницы, ни титек, разве ж такая родит?

– Да что ты завелась-то? – раздраженно рявкнул сын, но Ольгу уже было невозможно остановить.

– Да потому что ты у меня один, и я за тебя переживаю! Что ж я, не вижу, как ты маешься? А все потому, что нет у тебя в семье понимания!

– У меня сколько хочешь понимания!

– Ну конечно, – фыркнула мать.

– Конечно.

– Потому ты с этой блондинкой обжимался? Только пойми правильно, я же не против и хочу, чтобы для тебя лучше было... Это из-за нее ты от Ирочки ушел?

Сергей перестал жевать, раздраженно воткнул вилку в котлету и, схватив сигареты, убежал на балкон.

– Ты не думай, я не против, – крикнула Ольга, чтобы там было слышно. – Она женщина видная, фигуристая, да только что люди скажут? Ты бы подумал еще...

С балкона не доносилось ни звука, все телевизор заглушал, из которого теперь доносилась песня, что кошка – это дикий зверь, дурацкая и бессмысленная. Ольга подумала, не расплакаться ли, чтобы сын пришел жалеть и каяться, и расплакалась, привычно всхлипывая с точно рассчитанной громкостью. Слезы капали на белую столешницу, попадали в чай, но сын так и не пришел. Она услышала, как хлопнула балконная дверь, а потом заскрипели пружины кровати.

– Ты спать пошел? – спросила мама. Сергей не ответил. Ольга не стала заходить в спальню, ограничившись тем, что выключила телевизор и ушла мыть посуду. Когда она убрала со стола, из комнаты уже слышался громкий храп.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.